

АКАДЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР

З А О Ч Н А Я
М Е Т О Д И Ч Е С К А Я
К О Н С У Л Ь Т А Ц И Я

Г. П. СЕРДЮЧЕНКО

ОБУЧЕНИЕ ГРАМОТЕ
В ШКОЛАХ
ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР

МОСКВА · 1955

АКАДЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР
Институт национальных школ

ЗАОЧНАЯ МЕТОДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

Профессор Г. П. СЕРДЮЧЕНКО
член-корреспондент АПН РСФСР

ОБУЧЕНИЕ ГРАМОТЕ В ШКОЛАХ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

*На память
о совместной ра-
боте и борьбе
за справедливое
миро
Мамаре Шахри
Т.С.
15/5-58г.*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР
Москва 1955

Т. П. Шахри
библиотека

Георгий Петрович Сердюченко
Обучение грамоте в школах Западного Кавказа

Редактор Г. А. Фиалкина Техн. редактор З. В. Тышкевич
Корректор А. Т. Морозова

Сдано в произв. 13/VI 1955 г. Подп. к печ. 18/VII 1955 г.
Бумага 84 × 108¹/₃₂ = 1 бум. л. 3,28 п. л. Уч.-изд. л. 3,39
Тираж 500 экз. А 03864

Издательство АПН РСФСР, Москва, Погодинская ул., 8. Зак. 467
Типография изд-ва АПН РСФСР, Москва, Лобковский пер., д. 5/16
Цена 90 к.

I

Вопрос о педагогических и языковедческих основах обучения родной грамоте учащихся горских школ Западного Кавказа, несмотря на имеющийся уже длительный опыт, в научной литературе до последнего времени не ставился. В 1952 г. в «Известиях Академии педагогических наук», вып. 40, этот вопрос затронут в статье «Методика фонетики родного языка в нерусских школах Западного Кавказа»¹. Ему же мы посвятили значительную часть статьи «Из опыта построения учебников по абазинскому языку», опубликованной в сборнике Института национальных школ АПН РСФСР «Родной и русский языки в национальной школе»².

Между тем лишь правильное решение этого весьма важного в школьной практике вопроса в состоянии помочь учительству адыгейских, кабардинских, черкесских, абазинских и абхазских школ методически верно вести занятия не только по начальному обучению школьников родной грамоте, но и по детальному ознакомлению их в дальнейшем со сложной фонетической системой родных для них языков.

В распоряжении учителя нерусских школ Западного Кавказа до сих пор нет ни специальных методических руководств по обучению учащихся их родным языкам, ни даже научно-популярно изложенных, учитывающих подготовку и нужды учителя, грамматик, весьма своеобразных по своему строю горских языков Западного Кавказа (адыгейского, кабардино-черкесского, абазинского и абхазского). Именно поэтому, стремясь оказать учителю возможную помощь, мы должны излагать не только ме-

¹ Москва, изд-во АПН РСФСР, стр. 132—151.

² Москва, 1953, изд-во АПН РСФСР, стр. 263—280.

тоды преподавания, но и самое содержание преподаваемой дисциплины, в частности фонетику и грамматику родного языка учащихся. Учитель должен хорошо знать особенности преподаваемого им предмета, четко представлять себе отличия родного языка учащихся от русского языка, разбираться в основах графики, принятой в преподаваемом им языке. Только при хорошем теоретическом и практическом знании предмета учитель сможет выбрать из известных ему методов обучения наиболее правильные, соответствующие содержанию и задачам обучения родному языку в школе.

В данной статье мы и хотим в первую очередь изложить основные особенности фонетики и графики горских языков Западного Кавказа, а затем дать ряд методических указаний о построении занятий по обучению родной грамоте в западнокавказских горских школах.

К числу горских языков Западного Кавказа относятся адыгейский, кабардино-черкесский, абхазский и абазинский языки. К сожалению, научная литература по этим языкам несколько засорена вульгарно-материалистическими положениями «нового учения» о языке. Но, конечно, и в указываемых ниже работах Н. Я. Марра, Н. Ф. Яковлева и Г. Ф. Турчанинова по вопросам фонетики можно и должно использовать весь конкретно-фонетический материал. Фонетика адыгейского языка охарактеризована в труде профессора Н. Ф. Яковлева и доцента Д. А. Ашхамафа «Грамматика адыгейского литературного языка»¹. Кабардинская фонетика описана проф. Н. Ф. Яковлевым в «Таблицах фонетики кабардинского языка»² и в изданной Академией наук СССР его же научной грамматике кабардинского языка³. Сведения по кабардинской фонетике имеются также в книге Г. Турчанинова и М. Цагова «Грамматика кабардинского языка»⁴. Данные о фонетических особенностях абхазских наречий можно найти в

¹ Изд-во АН СССР, 1941, стр. 404—441.

² «Труды подразделения исследования северокавказских языков при Институте востоковедения», М., 1923.

³ Москва, 1948. Из старых работ по кабардинскому языку, включающих описание кабардинской фонетики, необходимо отметить «Кабардинскую грамматику» Л. Л. Лопатинского, напечатанную в «Сборнике для описания местностей и племён Кавказа», вып. XII, 1890.

⁴ Изд-во АН СССР, 1940, стр. 23—43.

работах П. К. Услара «Абхазский язык»¹, акад. Н. Я. Марра «Абхазский аналитический алфавит»², проф. Г. С. Ахвледиани «Звуковые возможности кавказских языков. Принцип классификации согласных абхазского языка»³ и в статье К. С. Шакрыла «Фонетические особенности бзыпского наречия по сравнению с абжуйским»⁴. Фонетика абазинского языка была описана мною в статьях «Об абазинских диалектах»⁵, «Об абазинской письменности»⁶, в брошюре «Фонетика и орфография абазинского языка»⁷, а также в работе К. В. Ломтатидзе «Тапантский диалект абхазского языка»⁸.

Изложение фонетических особенностей абазинского, абхазского, адыгейского и кабардино-черкесского языков мы даём в сравнительном плане, иллюстрируя систему гласных и согласных звуков в этих языках отдельными таблицами.

II

Горские языки Западного Кавказа имеют весьма развитый консонантизм (систему согласных) и бедно представленный вокализм (систему гласных).

Проф. А. Н. Генко, характеризуя абхазский вокализм, отметил, что, по его мнению, «самостоятельных гласных фонем абхазского языка две — *a* и *ə*, изменение которых под влиянием соседних звуков, при нередко сопутствующей редукции соответственного гласного, даёт ту картину разнообразных звуковых оттенков, которые мы и находим выраженными в доступных нам печатных материалах»⁹.

¹ «Этнография Кавказа», Тифлис, 1887.

² «Ленинград», 1926.

³ «Сообщения Грузинского филиала Академии наук СССР», т. I, № 1 за 1940 г., Тбилиси, стр. 87—92.

⁴ См. сборник «Материалы по абхазскому языку и фольклору», изд. Абхазского ин-та, Сухуми.

⁵ «Памяти академика Н. Я. Марра», М.—Л., 1938, АН Груз. ССР.

⁶ «Учёные записки» факультета языка и литературы Ростовского педагогического ин-та, т. I, 1939.

⁷ Гор. Черкесск, Облнаниздат, 1954.

⁸ Литографированное издание на грузинском языке, Тбилиси, 1944.

⁹ А. Н. Генко, Абхазский вокализм, «Известия Академии наук СССР», 1928.

Анализ абазинских языковых материалов приводит нас к выводу о том, что и абазинские говоры в своём прошлом имели всего лишь две гласные фонемы — *a* и *ы*, являющиеся как бы основными, опорными гласными абазинского языка.

Что касается двух остальных представителей западнокавказских горских языков — адыгейского и кабардино-черкесского, то и в них первоначальный и основной фонд гласных тот же, что в абхазском и абазинском языках.

В «Грамматике адыгейского литературного языка» Н. Ф. Яковлева и Д. А. Ашхамафа мы читаем: «Первоначально в адыгейском языке существовало лишь два кратких гласных — *э* (краткий *a*. — Г. С.) и *ы*. В дальнейшем, наряду с ними, развились долгие гласные *a*, *e*, *и*, *у*»¹.

Характеризуя кабардинский вокализм, проф. Н. Ф. Яковлев в одной из своих ранних работ — «Материалы к составлению кабардинского словаря» также отмечал, что основными и опорными гласными в кабардинском языке в сущности являются два кратких — *a* и *ы*. Долгое *a* образовалось лишь в результате звуковых комбинаций в первоначально не знавшем долгих гласных кабардинском языке². Авторы грамматики кабардинского языка Г. Ф. Турчанинов и М. Цагов утверждают, что «к основным гласным звукам кабардинского языка относятся: 1) краткие гласные *ы*, *э* (= *a*. — Г. С.); 2) гласный *a* (долгий. — Г. С.)»³. Они же, говоря об «основных» гласных *ы* и *э*, пишут: «Данные гласные преимущественно вокализуют лексический состав кабардинского языка, т. е. являются основными коренными гласными при образовании слов»⁴.

Учитывая замечания проф. Н. Ф. Яковлева об истории образования в кабардинском долгой фонемы *a*, мы можем признать, что во всех горских языках Западного Кавказа в их прошлом было всего лишь два гласных, оба кратких — *a* (в современной адыгейской и кабардино-черкесской орфографии *э*, в отличие от *a* долгого, для которого

в адыгейской и кабардинской орфографии сохранено сейчас обозначение через *a*) и *ы*.

Краткая фонема *a* в горских языках Западного Кавказа — звук более передний и более суженный, чем гласный *a* в русском и ряде других европейских языков. Придерживаясь обычной классификации гласных по степени и месту подъёма языка, краткую фонему *a* в рассматриваемой группе языков мы должны определить как гласный нижнего подъёма и среднего ряда.

По сравнению с русским ударным предударным *a*, характеризующаясь фонемой горских языков Западного Кавказа более краткая; её можно сопоставить с русским *a* во втором до ударения слоге в начале слова не после гласной (абрикос, огород) и с *a* в послеударном положении в конечном открытом слоге (рама, дело).

Примеры из абхазского и абазинского языков: *абна* — лес, *ауаса* — овца, *атана* — телёнок, *анхара* — работа; из адыгейского: *цэ* — зуб, *льэ* — нога, *уатэ* — молоток, *пытэ* — крепкий; из кабардинского: *зэ* — кизил, *энэ* — мать, *шхьэ* — голова.

Краткая фонема *ы* в анализируемых языках может быть охарактеризована как гласный средний между русским *ы*, более задним по своему образованию, и французским «*e muet*». От краткого *a* по своему образованию краткий *ы* отличается лишь степенью подъёма языка; это звук среднего подъёма и среднего же рода.

По сравнению с русским *ы*, это звук более краткий и менее определённый по своему звучанию. Ещё П. К. Услар, говоря об абхазском вокализме, правильно указывал на то, что «когда *v* (*ы*) есть единственная гласная в слове, то она более приближается звуком к *ы*, впрочем, глухому и короткому; в конце слова она подходит к «*e muet*»¹.

Примеры на употребление краткого *ы* абхазо-абазинские: *адзы* — вода, *абыз* — язык, *аджымщы* — лук, *акIамбыщ* — буйвол; адыгейские: *мэлы* — овца, *бын* — семья, *сыкъэубыт* — лови меня, *цIыфы* — человек; кабардино-черкесские: *псы* — воды, *река*, *йыктын* — переправляться,

¹ «Грамматика адыгейского литературного языка», стр. 427.

² Н. Ф. Яковлев, «Материалы к составлению кабардинского словаря», Центриздат, М., 1927, стр. IV—V.

³ «Грамматика кабардинского языка», стр. 23.

⁴ Там же, стр. 24.

¹ П. К. Услар, цит. работа, стр. 8. Подобное же читаем в «Грамматике кабардинского языка» Г. Турчанинова и М. Цагова: «Звук *ы* является гласным среднего ряда среднего подъёма, по произношению средним между русским *ы* и французским «*e muet*», стр. 23.

лЫжЫр — старик (определённая форма), пшЫ — десять и др.

В сочетании с различными согласными краткие гласные *а* и *ы* во всех указанных языках в произношении несколько варьируются. В применении к адыгейскому языку на это указывают Н. Ф. Яковлев и Д. А. Ашхамаф. «Краткие гласные *ы* и *э*, — читаем мы в «Грамматике адыгейского литературного языка», — имеют значительное количество вариантов в зависимости от качества соседних согласных: после палатализованных согласных слышатся *и* и *э* краткие, после лабиализованных *у* (= *ý*) и *о* краткие, после заднемягконёбных и гортанных — *ы* и *а* задние краткие и т. д.»¹.

Фонема *ы* является обычно слогообразующим гласным. Но слогообразующими в этих языках могут быть и отдельные согласные. При них *ы* не входит в состав слога и при произношении исчезает. Это прекрасно иллюстрируется орфографической практикой, допускающей в подобных случаях различные написания одного и того же слова, одной и той же грамматической формы.

Так, в абхазском и абазинском параллельно мы встречаем написания типа:

мз — мзы — мыз; амз, амыз — месяц;
мш — мшы — мыш; амыш, мышкI, мшкIы — день;
один день;
хш — хыш — хшы — молоко;
мч — мыч; амч — амыч — сила, мощь;
сквыш — сыквыш — год;
шквтугы, шквытугы — и все.

Место гласного *ы* в подобных случаях в слове твёрдо не определено. Именно этим и объясняется обозначение его то после стечения согласных (мзы, мшы, мшкIы, хшы), то между согласными (мыз, мыш, мышкIы, хыш).

Итак, основными гласными фонемами в горских языках Западного Кавказа являются гласные *а* и *ы*; по месту своего образования оба они гласные среднего ряда, бывают только краткими и качественно различаются лишь в зависимости от степени подъёма языка: *а* — звук нижнего подъёма, *ы* — звук среднего подъёма.

¹ Стр. 428; подобное утверждение находим в той же работе на стр. 427: «Адыгейские краткие гласные *э* и *ы* видоизменяются в своём произношении в зависимости от качества (твёрдости или мягкости) соседних согласных и места их образования».

При замене одного из этих гласных другим, когда остальная часть слова совершенно одинакова по звуковому составу, образуются новые по значению слова. Особенно ярко проявляется это в словах односложных типа открытого слога.

В адыгейском

сэ — я	сы — мой (органически)
тэ — мы	ты — наш (органически)
пцэ — долби (вообще)	пцы — долби (нечто); долото

В кабардино-черкесском

мэ — запах; на	мы — дикое яблоко; этот (видимый)
зэ — кизил; один раз	зы — один
хьэ — ячмень; собака	хьы — неси
псэ — душа	псы — вода, река
тхъуэ — буланый	тхъуы — масло (животное)

В абхазском

ра — орех	ры — армия, войско
са — корень глагола „кроить“, „резать“	сы — снег
хва — червь; ручка	хвы — цена, стоимость

В абазинском

ча — перепёлка, корень глагола „есть“, „кушать“	чы — вымя; корень глагола „пухнуть“
чва — сено; кожа	чвы — бык
чIва — яблоко, печень	чIвы — собственность, принадлежность
кIянджа — лодка	кIянджы — кукла и др.

Всех значений односложных корней мы здесь не указываем, ограничиваясь из них лишь немногими, достаточно ярко иллюстрирующими смыслоразличительную роль гласных *а*, *ы* в образовании корнеслова западнокавказских языков.

Появление в горских языках Западного Кавказа долгих гласных *е* (*э*), *и*, *о*, *у* объясняется, видимо, тремя причинами:

1) естественным преобразованием широко развитых в этих языках дифтонгов *ай*, *ау*, *йы*, *ый*, *уы*, *ыу* — в долгие гласные, соответственно *е* (*э*), *и*, *о*, *у* иногда через посредствующие звенья (*ай* → *ей* → *е*), что мы наблюдаем, в частности, в абхазском и абазинском языках;

2) слиянием двух кратких гласных соседних слогов, иначе — стяжением слогов в один слог, как, например, в адыгейском, в котором $\frac{yl}{ə} + yiy$ дают *и*; $\frac{yl}{ə} + iyə$ дают *е*; $ə + uy$ дают *у*, $ə + uə = o$; *ы* + *уы* образует *у*, *ы* + *уэ* даёт *о*¹;

3) воздействием на звуковую систему западнокавказских горских языков иноязычной фонетики в связи с воспринятыми в эти языки ирано-арабо-турецкими и особенно в наши дни русскими словами.

В предоктябрьский период чужезычные долгие гласные *е, и, о, у* в заимствуемых словах в языках Западного Кавказа заменялись специфичными для этих языков краткими гласными *а, ы*.

Для иллюстрации приведём некоторые примеры из абазинского: базман — безмен, весы, блятакв — платок, камбыста — капуста, вишна — вишня, мажар — можара (украинск.), праныкь — пряник, сарныкь (украинск.) — спички, (а) сталба — столб телеграфный, самвар — самовар, чайныкь — чайник, харбыз — арбуз, трактыр — трактор, ткван — лавка (тюрк. — дуکان) и др.;

из адыгейского: чырбыщ — кирпич, щайныч — чайник, гыры — гиря, бырыйстаф — пристав, кьутыр — хутор, хьэуан — животное, скот, кьэлэм — ручка, и др.

Включение в советские годы в широкий языковой обиход значительного количества слов с богато развитым вокализмом, чуждым до этого горским языкам Западного Кавказа, повело к убыстрению процесса преобразования дифтонгов в долгие гласные так же, как и к ускорению процесса стяжения соседних слогов в один слог (адыгейский, кабардино-черкесский) с последующим отождествлением гласных, образовавшихся в результате этих процессов, с долгими гласными в словах типа — республика, коммунист, культура, фронт, пионер и др.

Именно в результате преобразования дифтонгов, а также лексических и связанных с ними фонетических заимствований в абазинском, например, из дифтонга *ай* раз-

вился гласный — *е (э)*: хIайшчва → хIешчва — наши братья; райша → реша — прямой; квайчIва → квейчIва — чёрный; хIвайда → хIведа — голый. Переходными формами от дифтонга *ай* к гласному *е* являются формы: хIейшчва, рейша, квечIва и др.

Дифтонг *ау* преобразовался в долгий гласный *о*: баура → бора — конюшня, сарай; тауба → тоба — холм; цIаула → цIола — глубокий и т. п.

Дифтонги *йы, ый* преобразуются в долгий *и*: йыба → иба — сирота; йыгь → игь — кукурузная крупа; сабий → саби — дитя, ребёнок; арий → ари — этот; хрыйна → хрина — качели и др.

Дифтонги *уы* и *уу* дают гласный *у*: уырам → урам — улица; уыжвы → ужвы — теперь, сейчас; дыу → ду — большой; шIууна → шIуна — погреб, и т. д.

Преобразование дифтонгов в долгие гласные нашло своё отражение в абазинском и других языках и в орфографической практике.

На месте дифтонга *ай* пишут то *ай*, то *е*; дифтонги *уа, ау* обозначаются то через *о*, то через сочетания *уа, ау*; дифтонги *йы, ый* передаются или посредством гласного *и*, или, что реже, с сохранением *йы, ый*; на месте дифтонгов *уы, уу* обычно находим *у*.

Но и процесс преобразования дифтонгов в долгие гласные так же, как и стяжение слогов в один слог, считать завершённым ещё нельзя. Если, например, большинство абазин практически не отличают дифтонгов *уы, уу, ый, йы* от долгих гласных *у, и*, то утверждать это в отношении таких дифтонгов, как *ай, йа, ау, уа* и гласных *е, о*, не приходится. Подобные же явления наблюдаются в абхазском и других языках Западного Кавказа.

В абхазской речи рядом с формой *ауардын* — арба, телега можно встретить и форму — *аордын*, а от глагола *аура* — получать, рожать — возможно двойное образование аориста — *дысаутI* и *дысуотI* и *дысотI*. В абазинском языке замена дифтонгов *уа, ау* гласным *о* в подобных случаях не наблюдается.

Отчётливо слышен в абазинском и дифтонг *ай* при передаче взаимности, совместности. В адыгейском орфографическое *иI* (стой, находишь внутри) произносится часто, как *йыI*, форма *сиI* (я имею) произносится, иногда и пишется, как *с(ы)йыI*, согласно своему образованию.

¹ «Грамматика адыгейского литературного языка», стр. 427—432. Подобные же явления свойственны и кабардино-черкесскому, см., например, образование формы *сихваи* из *сыйыхваи* (меня он носил), где и образовалось из стяжения *ы + йы*, или формы *сехь* из *сыехь* (меня он несёт), где *е = ы + йе*; в адыгейском: *шIюуцыгьул* из *шIюуэ + уы + шыгьул*, *кьоджэ* из *кьы + уы + джэ* и др.

В абазинской, отчасти и в абхазской орфографии сейчас уже узаконивается написание *y* и *и* при передаче дифтонгов *йы, ый, уы, ыу*: иман вместо йыман (он имел), идупI вместо йыдупI (он большой), аул вместо ауыл (аул), ари вместо арий (этот), бзита вместо бзийта (хорошо), саби вместо сабий (дитя, ребёнок), урам вместо уырам (улица), тутын вместо тыутын (табак), дасу, вместо дасуу (каждый) и др.

Что касается орфографии дифтонгов *ya, ay, ай*, то здесь рядом с передачей этих дифтонгов в отдельных случаях через *о* и *е* допускается и написание их согласно отчётливому произношению через *ya, ay, ай*: в абазинском — цлола, торых, реша и рядом уарад — песня, уасабора — овчарня, йглаугма — то сюда ты принёс ли (дифтонг *ay* образовался из сочетания конечного *a* префикса направления *gla* — сюда и личного префикса *y* — ты), хлайгвыргъытI — мы радуемся и др.

Обозначение йотированных *йы, йэ, уы, уэ* через простые гласные *и, е, у, о* обычно сейчас и в адыгейской и в кабардино-черкесской орфографии. В адыгейской орфографии, чтобы избежать частого употребления буквенных сочетаний *уэ, уы*, их принято передавать через *о* и *у*.

Таким образом, долгими гласными, образованными из дифтонгов или в результате стяжения слогов, а также вошедшими вместе с лексическими заимствованиями, являются сейчас в горских языках Западного Кавказа — *е (э), и, о, у*; в кабардино-черкесском прибавляется ещё и долгий *а*.

Гласные *е (э), и* относятся к гласным переднего ряда. По образованию они различаются лишь степенью подъёма языка. Как и в русском языке, *и* — верхнего подъёма, *е* — среднего.

Гласные *у, о* — лабиализованные, заднего ряда. Гласный *у*, как и в русском языке, — верхнего подъёма, гласный *о* — среднего подъёма.

Кабардино-черкесский и адыгейский долгий *а* — звук заднего ряда нижнего подъёма. Употребляется он обычно в двухсложных словах, а иногда — и в словах с большим количеством слогов, оканчивающихся на открытый слог. Кабардино-черкесский и адыгейский долгий *а*, занимает, как правило, место во втором слоге от конца слова. Примеры: шаклуэ — охотник, пхъащIэ — плотник, къэмапIэ —

кинжальный футляр, шакъальэ — чернильница, наклуэ — иди туда и др.

В конечном закрытом слоге кабардино-черкесский долгий *а* является преимущественно или показателем прошедшего времени, или показателем множественности субъекта и объекта в глагольной форме: клуаш — сходил, клуат — шёл, прич. клуар, клуам; къатхаш — они сюда написали, щайпсэлъаш — он с ними говорил в...¹.

Система вокализма горских языков Западного Кавказа может быть представлена в следующей простой таблице:

Ряд	Передний	Средний	Задний	
	н е г у б н ы е			губные
Подъём				
Верхний	и	ы		у
Средний	е			о
Нижний		а (э в каб. и адыг.)	а (каб. и адыг.)	

III

Систему консонантизма (согласных) в горских языках Западного Кавказа рассмотрим последовательно, переходя от одного языка к другому. Начнём с абазинского языка, который имеет наиболее сложную систему согласных по сравнению с другими языками Кавказа.

Включая в свой состав почти все абхазские согласные, нашедшие своё отражение в современной абхазской графике (за исключением *дв, тв, тIв*, имеющих только в шкаровском диалекте абазинского языка, и зубных свистящих лабиализованных аффрикатах *дзв, цв, цIв*), абазинский язык усвоил и ряд фонем, характерных для адыгских языков и отсутствующих в абхазском языке. К ним относятся звонкий, глухой и смычногортанный латеральные спиранты — *лв, тл* и *лI*, среднеязычные спиранты — простой *х* и лабиализованный *хв*, гортанный взрывной — *ъ*.

В отличие от абхазского, помимо фонем, характерных для адыгских языков, абазинский имеет два заднеязыч-

¹ Г. Турчанинов и М. Цагов, Грамматика кабардинского языка, стр. 26—27.

ных мягконёбных взрывных — простой *хъ* и лабиализованный *хъв*¹ и звонкий гортанный спирент — *гI*, на месте которого в абхазском обычно находим определённое П. К. Усларом как гортанное² особое долгое *а*.

По своей общей фонетической структуре абазинский язык в его псыж-эльбурганском говоре, лёгшем в основу литературного языка, характеризуется шипящими спирантами (длительными); у него отсутствуют имеющиеся в абхазском и адыгейском языках свистящие лабиализованные аффрикаты *дзв*, *цв*, *цIв*, которые обычно заменяются лабиализованными аффрикатами шипящими — *джв*, *чв*, *чIв*.

Придерживаясь обычной, применимой и к абазинскому консонантизму, классификации согласных по степени участия в образовании звуков голоса и шума, все абазинские согласные можно разбить на сонорные и шумные звуки.

По способу образования шумные согласные делятся на взрывные, или смычные, спиранты, или длительные, и аффрикаты. По характеру звучания сонорные могут быть плавными и носовыми.

По месту образования все согласные абазинского языка делятся на губные, переднеязычные (в том числе зубные, латеральные и альвеолярные), среднеязычные, заднеязычные и гортанные.

Для шумных согласных абазинского языка характерно трёхстепенное деление: губные и латеральные спиранты, губные, зубные и альвеолярные взрывные, зубные и альвеолярные аффрикаты делятся на звонкие, глухие и смычногортанные. Заднеязычные взрывные представлены только глухими и смычногортанными фонемами.

В отличие от других горских языков Кавказа, переднеязычные альвеолярные и заднеязычные бывают в абазинском языке трёх рядов — простые, палатализованные и лабиализованные; среднеязычные и гортанные имеют два ряда согласных — простые и лабиализованные. В этом отношении абазинский консонантизм весьма близок к абхазскому (см. сказанное ранее о различии абхазской системы согласных) и в значительной степени отличается

от консонантизма адыгских языков, не знающих подобной выдержанной системы в образовании двух (простого и лабиализованного) и трёх (простого, палатализованного и лабиализованного) рядов согласных.

Лабиализация согласных в говорах абазинского языка бывает двух типов: обычная продольная и более энергичная узкоокруглая. Первая — характеризует произношение среднеязычных, заднеязычных и гортанных лабиализованных согласных (как взрывных, так и спирантов); вторая — типична для произношения переднеязычных лабиализованных спирантов и аффрикат.

Вся система согласных псыж-эльбурганского говора абазинского языка представлена:

- а) губными — у (*w*), м; б, п, *пI*; в, ф, *фI*;
- б) переднеязычными зубными — н, р; д, т, *тI*; з, с;
 - дз, ц, *цI*;
 - » латеральными — л; ль, тл, *лI*;
 - » альвеолярными простыми — ж, ш; дж, тш, *шI*;
 - » альвеолярными палатализованными — жь, щ; джь, ч, *чI*;
 - » альвеолярными лабиализованными — жв, шв; джв, чв, *чIв*;
- в) среднеязычными простыми — й; х;
 - » лабиализованным — хв;
- г) заднеязычными твердонёбными простыми — г, кг, *кI*;
- » » палатализованными — гь, кь, *кIь*;
- » » лабиализованными — гв, кв, *кIв*;
- д) заднеязычными мягконёбными простыми — хъ, къ;
 - гъ, х;
 - » » палатализованными — къь; гъь, хъ;
 - » » лабиализованными — хъв, къв; гъв, хв;
- е) гортанными простыми — гI, хI; ь;
 - » » лабиализованными — гIв, хIв.

Приводимая нами таблица даёт более дифференцированную классификацию абазинского консонантизма (см. табл.).

¹ В абжуйском диалекте абхазского языка и литературном абхазском им соответствуют обычные заднеязычные спиранты *х* и *хв*; в бзыбском диалекте — особо напряжённые «твёрдые».

² П. К. Услар, Абхазский язык, Тифлис, 1887, стр. 7.

Таблица согласных абазинского языка
(Псыж-эльбурганский говор)

По способу образования		Ш у м н ы е													
		Сонорные		взрывные			спиранты			аффрикаты					
				звонкие	глухие	смычногортанные	звонкие	глухие	смычногортанные						
По месту образования		Переднеязычные	Губные	м	у (w)	б	п	пʲ	в	ф	фʲ	дз	ц		
				н		д	т	тʲ	з	с					
				Латеральные	л					ль	тл	лʲ			
					Вибрант	р					ж	ш		дж	тш
											жь	щ		джь	ч
		Заднеязычные	Альвеолярные								жв	шв		чв	
												х			
												хв			
Гортанные	Среднеязычные														
Гортанные	Твёрдо-нёбные														
Гортанные	Мягко-нёбные														
Гортанные	простые														
Гортанные	лабиализованные														

Таким образом, наиболее яркими особенностями абазинского консонантизма являются: а) обилие латеральных — л, ль, тл, лʲ; б) наличие смычногортанных спирантов — фʲ, лʲ; в) трёхступенность шумных согласных, всего 14; из них два с недостающим одним членом и один с недостающими двумя членами; г) наличие трёх рядов при образовании переднеязычных и двух рядов при образовании среднеязычных и гортанных; д) богато представленные палатализованные; всего 11 (жь, щ, джь, ч, чʲ, гь, кь, кʲь, гьь, хь, кьь) и е) лабиализованные; всего 15 [жв, шв, джв, чв, чʲв, гв, кв, кʲв, гьв, хв (среднеязычн.), хв (заднеязычн.), хьв, кьв, гʲв, хʲв]; ж) наибольшее среди горских языков Кавказа количество гортанных, всего 5 — гʲ, хʲ, гʲв, хʲв, гʲ.

Более детальная и уточнённая характеристика гласных и согласных в абазинском (на основе псыж-эльбурганского говора) дана нами, помимо статей, указанных на стр. 134, в брошюре «Фонетика и орфография абазинского языка»¹.

Такова система звуков в абазинском языке на основе псыж-эльбурганского говора. В нём, помимо дифтонгов и геминированных (двойных, особо усиленных — *дбри* — греметь, *сса* — мелкий и т. п.), мы находим:

шесть гласных: а, ы, е, о, и, у;

шесть сонорных: й, у (w), м, н, р, л;

двадцать один взрывной:

б, п, пʲ; д, т, тʲ; г, к, кʲ;

гь, кь, кʲь; гв, кв, кʲв;

хь, кь, кьь, хьв, кьв; ть;

двадцать шесть спирантов:

в, ф, фʲ; з, с; ль, тл, лʲ;

ж, ш, жь, щ, жв, шв; х,

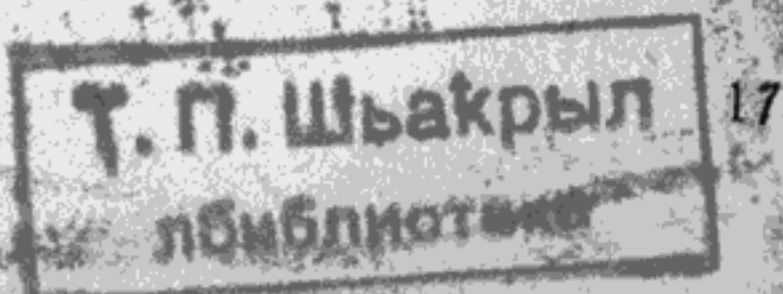
хв, гь, х, гьь, хь, гьв, хв;

гʲ, хʲ, гʲв, хʲв;

двадцать аффрикатов: дз, ц, цʲ; дж, тш, шʲ; джь, ч, чʲ; джв, чв, чʲв.

Таким образом, даже по сравнению с бзыбским наречием абхазского языка, в котором имеется ряд своеобразных фонем, условно обозначенных нами через *дзь*, *ць*, *цʲь*, *сь*, *зь*, *щв*, *жьв*, *ххь*, *ххьв*, отсутствующих в абжуйском наречии абхазского и в абазинских говорах, фоне-

¹ Гор. Черкесск, Облнаниздат 1954

тическая система абазинского языка представляется весьма сложной.

Охарактеризовав сложную систему абазинского консонантизма, нам сравнительно легче будет представить себе систему согласных в абхазском, адыгейском и кабардино-черкесском языках.

Остановимся на абхазском консонантизме. В значительной степени мы уже говорили о нём, описывая абазинскую систему согласных.

По сравнению с абазинским языком (тапантовскими говорами) абжуйский диалект, на котором в настоящее время строится абхазская литературная речь, отличается наличием в нём, как и в шкаровском говоре аула Апсуа, трёх зубных лабиализованных вибрантов *дв, тв, тІв*, свистящим характером переднеязычных (зубных) лабиализованных аффрикатов *дзв, цв, цІв*, отсутствием в нём характерных для адыгских языков и имеющих в абазинском латеральных спирантов *лв, тл* и *лІ*, среднеязычных — простого и лабиализованного спирантов — *х* и *хв* и гортанного взрывного *џ*. Но, помимо фонем, сближающих абазинский с адыгейским и кабардино-черкесским языками, в абхазском, абжуйском и бзыбском диалектах нет имеющих в абазинском двух заднеязычных мягконёбных взрывных — простого *хџ* и лабиализованного — *хџв*, а также звонкого гортанного спиранта — *гІ*.

Наличие в абжуйском говоре абхазского языка свистящих лабиализованных аффрикатов, обилие свистящих не только простых, но и смягчённых (палатализованных) в бзыбском говоре абхазского языка требуют от нас определения общей фонетической структуры абхазского языка как языка со свистящей группой спирантов.

Строя классификацию абхазских согласных по той же системе, по которой мы дали и классификацию абазинских согласных, мы должны отметить в абхазском языке (абжуйский говор):

- а) губные — у (w), м; б, п, пІ; в, ф, фІ;
- б) переднеязычные зубные — н, р; д, т, тІ; з, с; дз, ц, цІ;
- » » лабиализованные — дв, тв, тІв; дзв, цв, цІв;
- » латеральный — л;
- » альвеолярные простые — ж, ш; дж, тш, шІ;

переднеязычные альвеолярные палатализованные — жь, щ; джь, ч, чІ; лабиализованные — жв, шв;

в) среднеязычный — й;

г) заднеязычные твердонёбные простые — г, к, кІ;

» » палатализованные — гь, кь, кІь;

» » лабиализованные — гв, кв, кІв;

д) заднеязычные мягконёбные простые — къ; гъ, х;

» » палатализованные — къь; гъь, хь;

» » лабиализованные — къв; гъв, хв;

е) гортанные простые — хІ;

» лабиализованные — гІв, хІв.

Как мы уже говорили, бзыбский диалект абхазского языка, по сравнению с абжуйским наречием, имеет девять специфичных только для него звуков, которые, используя систему абазинской графики, ориентировочно передаём через — дзь, ць, цІь, сь, зь, щв, жьв, ххъ, ххъв.

В абжуйском говоре абхазского языка имеется шестьдесят пять фонем:

шесть гласных — а, ы, е, и, о, у;

шесть сонорных — й, у (w), м, н, р, л;

двадцать один взрывной — б, п, пІ; д, т, тІ; дв, тв, тІв; г, к, кІ; гь, кь, кІь; кв, гв, кІв; къ, къь, къв;

двадцать спирантов — в, ф, фІ; з, с; ж, ш; жь, щ; жв, шв; гъ, х, гъь, хь, гъв, хв; хІ, гІв, хІв;

двенадцать аффрикатов: дз, ц, цІ; дзв, цв, цІв; дж, тш, шІ; джь, ч, чІ.

В бзыбском диалекте к ним прибавляется ещё шесть спирантов — зь, сь, жьв, щв, ххъ, ххъв и три аффриката — дзь, ць, цІь. Так же как и в абазинском, в абхазском имеется значительное количество геминированных.

Перейдём к характеристике адыгейского консонантизма. В нём мы должны выделить:

а) губные — у (w), м; б, п, пІ, пІу; в, ф;

б) переднеязычные зубные — н, р; д, т, тІ, тІу; з, с; дз, ц, цІ, дзу, цу;

переднеязычные латеральные — л, лъ, лІ;

» простые — жъ, шъ, шІ; ж, ш; чъ, чІ;

переднеязычные палатализованные — жь, щ; дж, ч, кІ;
» лабиализованные — жъу, шъу, шІу;

в) среднеязычный — й;

г) заднеязычные тверднёбные простые — г, х; кІ, к;
» » лабиализованные — ху;
кІу, ку, гу;

д) заднеязычные мягконёбные простые — гъ, хъ, къ;
» » лабиализованные — гъу
хъу; къу;

е) гортанные — хь; І, Іу.

По сравнению с абазинской системой согласных, в адыгейском отсутствует один латеральный и губной смычногортанный — *фІ*; заднеязычные имеют лишь простые и лабиализованные образования, среди них нет палатализованных; вместо четырёх гортанных спирантов имеется три, из них два звонких, один глухой; нет среднеязычных спирантов *х* и *хв*; несколько различается система переднеязычных альвеолярных — рядом с переднетвёрдонёбными *жь, шъ* находим среднетвёрдонёбные *ж, ш*, причём лабиализуется здесь группа переднетвёрдонёбных — *жъу, шъу, шІу*; нет твёрдого аффриката — *дж*, отсутствует лабиализация среднетвёрдонёбных спирантов — *ж, ш* и аффрикатов — *чъ, чІ*.

Для адыгейского консонантизма специфичны лабиализованные губной и зубные вибранты — *пІу, дзу, цу, тІу* (последние равны абхазским зубным лабиализованным — *дзв, цв, тІв*) и лабиализованный гортанный (межсвязочный) взрывной — *Іу*.

Трёхступенность шумных согласных, наличие трёх рядов при образовании переднеязычных альвеолярных сближают адыгейский консонантизм с абхазо-абазинским.

Таким образом, в адыгейском мы находим шестьдесят четыре фонемы:

семь гласных: э (а), ы; а, е, и, о, у;

пять сонорных: й, у (w), м, н, р;

семнадцать взрывных: б, п, пІ, пІу; д, т, тІ, тІу; к, кІ, ку, кІу, гу, къ, къу, І, Іу;

двадцать пять спирантов: в, ф; з, с; л, лъ, лІ; ж, ш, жъ, шъ, шІ; жь, щ; жъу, шъу, шІу; г, х, ху; гъ, хъ, гъу, хъу; хь;

десять аффрикатов: дз, ц, цІ, дзу, цу; чъ, чІ, дж, ч, кІ.

Система кабардино-черкесского консонантизма, по сравнению с другими горскими языками Западного Кав-

каза, более проста. При наличии трёхступенности ряда шумных согласных в кабардино-черкесском уже нет обязательного деления язычных на два (простые, лабиализованные) и на три (простые, палатализованные, лабиализованные) ряда, значительно меньше гортанных и язычных.

Все согласные кабардино-черкесского языка представлены:

а) губными — у (w), м; б, п, пІ; в, ф, фІ;

б) переднеязычными зубными — н, р; д, т, тІ; тІу; з,
с, дз, ц, цІ;

» латеральными — л, лъ, лІ;

» альвеолярными — ж, ш; жь, щ,
щІ; дж, ч, кІ;

в) среднеязычным — й;

г) заднеязычными твёрдонёбными простыми — к, (кІ);
» лабиализованными — ку, кІу;

д) заднеязычными мягконёбными простыми — кхъ, къ;
г, х, гъ,
хъ;

» лабиализованными — кхъу, къу; гу,
ху, гъу, хъу;

е) гортанными — хь; І, Іу.

Следовательно, в кабардино-черкесском имеется пятьдесят шесть фонем: семь гласных: э (а), ы; а, е, и, о, у;

пять сонорных: й, у (w), м, н, р;

семнадцать взрывных — б, п, пІ; д, т, тІ; тІу; к (кІ);
гу, ку, кІу; кхъ, къ; кхъу, къу; І, Іу;

двадцать один спирант — в, ф, фІ; з, с; л, лъ, лІ; ж, ш, жъ, щ, щІ; г, х, гъ, хъ; ху, гъу, хъу; хь;

шесть аффрикатов — дз, ц, цІ; дж, ч, кІ.

Подведём некоторые итоги. Сложность фонетической системы горских языков Западного Кавказа объясняется сложностью системы согласных в этих языках. Наиболее богато представлены согласные в абазинском и абхазском языках. Сравнительно немногим отличается от них адыгейский консонантизм. Среди горских языков Западного Кавказа наиболее простую систему согласных имеет кабардино-черкесский язык.

Что роднит эти языки в области фонетики? Прежде всего трёхступенность шумных согласных, деление их на звонкие, глухие и смычногортанные — черта, типичная вообще для горских языков Кавказа и близко стоящих к

ним — осетинскому, армянскому, отдельным диалектам кумыкского, азербайджанского и др. На втором месте должно быть указано широкое развитие в этих языках лабиализованных согласных; в кабардино-черкесском — девять, в адыгейском — пятнадцать, в абхазском — шестнадцать, в абазинском — пятнадцать.

Далее необходимо отметить значительное количество палатализованных согласных: в кабардино-черкесском — пять, в адыгейском — пять, в абхазском — одиннадцать, в абазинском — одиннадцать. Параллельное образование в горских языках Западного Кавказа простых, палатализованных и лабиализованных переднеязычных (адыгейский, абхазский, абазинский) и заднеязычных (абхазский, абазинский) даёт нам основание говорить о наличии в этих языках трёх рядов при образовании отдельных звуков и двух рядов — в кабардинском и адыгейском — при образовании заднеязычных и гортанных, в абхазском — частично при образовании гортанных, в абазинском — при образовании среднеязычных и гортанных.

Характерной чертой языков абхазо-адыгской группы является также наличие губного смычногортанного *ɸI* (абхазский, кабардино-черкесский, абазинский); обилие латеральных: в адыгейском и кабардино-черкесском три — *л, ль, лI*, в абазинском четыре — *л, ль, тл, лI* и значительное количество гортанных — в абхазском — *хI, гIв, хIв*; в адыгейском и кабардино-черкесском — *хь, I, Iу*; в абазинском — *гI, хI, гIв, хIв*; *џ*.

Это и есть то основное, что характеризует фонетику горских языков Западного Кавказа и что, в частности, выделяет эту группу языков среди других языков Кавказа.

Чтобы методически правильно построить преподавание фонетики в нерусской школе Западного Кавказа, учитель, не говоря уже об авторах учебников, должен хорошо усвоить эти фонетические особенности западнокавказских языков. Не представляя их себе четко, нельзя хорошо построить не только занятия по фонетике, но и первоначальное обучение грамоте.

Учитель должен быть хорошо знаком и с графической системой, принятой в разбираемой группе языков и, несомненно, влияющей на построение всей школьной работы по родному языку учащихся.

IV

В 1936—1938 гг. адыгейская, кабардино-черкесская и абазинская письменности с латинизированной основы были переведены на русскую графику; абазинская письменность стала строиться на основах грузинской графики. Разберёмся в графической системе, используемой сейчас абазинами, адыгейцами, черкесами и кабардинцами. Затем вкратце остановимся на некоторых особенностях абхазской письменности.

Замена арабского алфавита латинским в первые годы существования Советской власти была, естественно, шагом вперед, облегчающим ликвидацию неграмотности, осуществление всеобщего начального обучения и ускорившим развитие национальной по форме и социалистической по своему содержанию культуры народов Советского Союза.

Но совершенно неправильным было считать латинский и латинизированные алфавиты специфично-революционными, якобы единственно возможными у ранее бесписьменных народов.

Из взглядов на латинский алфавит как на единственно революционный вытекала и политика «латинизации без разбора», проводившаяся Всесоюзным Центральным Комитетом нового алфавита. Эта политика нередко приводила к насильственному повсеместному насаждению латинизации, к навязыванию латинского алфавита народам, имевшим раньше письменность на русской основе (чуваши, мари, алтайцы, удмурты, якуты и др.), к созданию латинизированной письменности для малочисленных народов, живущих исключительно в русском окружении и обычно использующих русскую письменность (народы Севера), к составлению разнохарактерных по своей графической основе алфавитов, но лишь в угоду голому принципу латинизации тоже именовавшихся латинизованными (адыгейский, кабардино-черкесский, абхазский и абазинский алфавиты).

Между тем не только по своим культурно-историческим достоинствам, но и по своим графическим особенностям русский алфавит является одним из лучших среди существующих в настоящее время алфавитов. Эти достоинства признаются и лингвистами Запада. Французский языковед Вандриес в своей работе «Язык» замечает в

отношении славянских алфавитов, в том числе и русского, следующее:

«Во всяком случае есть существенное различие между алфавитами греческого и латинского происхождения. Первые были составлены с редкой точностью людьми, обладавшими очень чётким чувством фонетических отношений и передававшими оттенки произношения с редкой пронизательностью. Готский алфавит Вульфилы — прекрасное орудие, достаточно точное; славянский алфавит Кирилла и Мефодия — настоящий шедевр. Как далеки от них алфавиты англосаксов и ирландцев! Эти последние приложили много усилий в течение долгих столетий к тому, чтобы приспособить латинский алфавит к своему языку. В полной мере это им не удалось»¹.

Буржуазно-националистические элементы в середине тридцатых годов свели преподавание русского языка в нерусских школах к столь мизерным дозам, что это не давало возможности учащимся овладеть свободно языком, нормально обучаться дальше в высших учебных заведениях, в частности в столичных, фактически лишало их возможности читать в подлинниках важнейшую партийную, общественно-политическую, научную и художественную литературу на русском языке. Тем самым тормозилось укрепление братского сотрудничества и единства народов СССР, задерживался рост социалистической культуры.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 марта 1938 г. ударило по этим националистическим извращениям в школьной работе и наметило конкретные пути в улучшении преподавания русского языка в нерусских школах, установив значительно большее количество часов в школе на преподавание русского языка, наметив мероприятия по составлению необходимых нерусской школе учебников, словарей, учебных и методических пособий, по подготовке квалифицированных преподавателей русского языка для нерусской школы.

В этом постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) указаны и причины, потребовавшие решительного улучшения преподавания русского языка в национальных школах.

В постановлении говорится:

¹ В а н д р и е с, Язык. (перевод с французского), М., Соцэкгиз, 1937, стр. 296.

«Во-первых, в условиях многонационального государства, каковым является СССР, знание русского языка должно явиться средством связи и общения между народами СССР, способствующим их дальнейшему хозяйственному и культурному росту.

Во-вторых, овладение русским языком способствует дальнейшему усовершенствованию национальных кадров в области научных и технических познаний.

В-третьих, знание русского языка обеспечивает необходимые условия для успешного несения всеми гражданами СССР воинской службы в рядах рабоче-крестьянской Красной Армии и Военно-Морского флота».

Таким образом, переход на русскую графику диктовался как общегосударственными интересами, так в сильнейшей степени и интересами выросших за советские годы многочисленных национальных кадров, борьбой за новый подъём хозяйства и культуры в национальных республиках и областях Советского Союза.

Принятие русской графической основы для национальных письменностей Советского Союза имело ряд и чисто практических преимуществ. Построение письменности на основе русской графики уничтожило тот алфавитный разнобой, который существовал в школах различных народностей СССР при обучении родному и русскому языкам, и облегчало учащимся как усвоение родного, так и изучение русского языка. Ряд одинаковых букв в русском и латинском алфавитах имеет различное фонетическое значение. Это именно при наличии латинизированной письменности и затрудняло усвоение родного и русского языков, тормозило распространение всеобщей грамотности, особенно среди тех народов, которые имели многобуквенные алфавиты, как, например, в языках Западного Кавказа — с элементами латинской и греческой графики, русскими буквами, дополнительными, заново придуманными знаками и т. д.

Одержав решительную победу над арабским и другими архаичными письменностями, многие так называемые латинизированные алфавиты в педагогическом отношении оказались неудовлетворительными и иногда трудными для усвоения, поэтому и не завоевали авторитета среди населения.

Применение латинизированных алфавитов, особенно у малочисленных народностей, не разрешало проблемы те-

леграфа, затрудняло использование линотипа и требовало больших средств на отливку специальных латинизированных шрифтов, изготовление пишущих машин с разработанной специально для каждой письменности клавиатурой, чрезмерно затрудняло разработку стенографии и подготовку кадров работников полиграфии, редакционно-издательского дела и стенографии.

Переход на русскую графическую основу, уничтожая алфавитный разнобой, облегчал работу школ и освобождал значительное количество времени для более углублённого изучения школьниками родного и русского языков, а также других школьных дисциплин.

Помимо этого, переход на русскую графику значительно упрощал и облегчал разработку национальной орфографии, особенно в разделе правописания общественно-политических терминов, так называемых советизмов (совет, социалист, коммунист, революция, октябрь) и терминов международного порядка (трактор, доктор, юрист, пионер, полюс, объект, Европа), заимствуемых в различные языки Союза обычно из русского языка.

Ещё до перехода на русскую графику в практике орфографической и терминологической работы национальных республик и областей СССР установилось правило — основы русских и международных терминов, заимствуемых из русского языка, писать согласно русской орфографической практике: пролетариат, марксизм, индустриализация, колхоз, республика, Карл Маркс, Орджоникидзе, Куйбышев и др. В этих случаях считалось нецелесообразным и неверным строить орфографию на чисто фонетическом принципе, поскольку это вело порою к самым неожиданным искажениям общественно-политических, научных и других терминов из общесоюзного словарно-терминологического фонда. Принятие русской графики для различных языков Советского Союза унифицировало в этих языках написание важнейших общественно-политических и других терминов, а также многих собственных имён (географических, имён политических и научных деятелей и т. д.)¹ и тем самым облегчало работу школы на уроках родного и русского языков.

¹ Совершенно неверным является выдвинутое требование (см. ст. А. Е. Мординова «О развитии языков социалистических наций в СССР» в журн. «Вопросы философии» за 1950 г.) № 3 «орфографирования терминов, вошедших в эти языки (языки народов

Все указанные выше политические и научно-практические соображения и определили собою переход национальных письменностей в СССР с латинской и латинизированной графики на русскую графическую основу. Деятельность ВЦК НА, сыгравшего положительную роль в борьбе с архаичными (арабской, старомонгольской) письменностями и оказавшегося на неверном пути в последний период своей деятельности, решением ЦИК СССР была прекращена в августе 1937 г.

Процесс перехода на русскую графику быстро охватил подавляющее большинство народов СССР (за исключением грузин, армян, имеющих многовековую самобытную графическую традицию, а также эстонцев, латышей и литовцев) и интенсивно протекал в период 1937—1940 гг. Одновременно с разработкой алфавитов на основе русской графики исправлялся ряд ошибок, допущенных руководством ВЦК НА в отношении мелких народностей, не имевших перспектив литературного развития своих языков.

Все указанные выше соображения определили собою построение на русской графической основе и интересующих нас сейчас письменностей северокавказских народностей — кабардинцев, черкесов, адыгейцев и абазин.

Установление алфавита и орфографии на русской графической основе было проведено здесь на следующих определяющих положениях:

а) необходимо использовать все буквы современной русской азбуки;

б) одинаково произносимые или близкие в двух языках звуки надо обозначать одинаковыми буквами;

СССР — Г. С.) из русского языка» в соответствии «с фонетическими нормами каждого языка», писать так, «как они произносят на данном языке», «подчинить заимствованные слова фонетическим нормам национальных языков» народов СССР. (Там же, стр. 82—85).

Требование А. Е. Мординова означает, что, например, в якутском языке, на который пытается опереться А. Е. Мординов, надо было бы писать, согласно его утверждению, баартыйа вм. партия (стр. 84; глухой *п* не употреблялся в начале якутских слов), а также, следовательно, писать бассаабых вм. большевик, хомуньуус вм. коммунист, сессийэлиисим вм. социализм, сэбиэт вм. совет, бырылытырыйаат вм. пролетариат, аптаныамнай вм. автономный, и т. п., иначе говоря, надо было бы восстановить ту порочную практику, которая лет 15—20 тому назад существовала в Якутии и сейчас изжита.

в) в качестве дополнительного к русскому алфавиту знака следует допускать лишь знак «I» (римская цифра «один»). Этот дополнительный знак, присоединяемый к одной из основных русских букв, и должен быть использован при передаче специфических для языка звуков — гортанных, смычногортанных и некоторых других;

г) возможно употребление двубуквенных и как редкое исключение трёхбуквенных обозначений.

Именно для языков Западного Кавказа, имеющих сильно развитую систему консонантизма, пришлось использовать и дополнительный знак «I», двубуквенные, а также трёхбуквенные обозначения.

При построении орфографии придерживались общего правила — основы интернациональных и русских советских терминов писать согласно принятой в русском языке орфографии — *пролетариат, коммунист, совет* и так далее и не допускать написания этих терминов в виде *прелитар, риволуц, казыт* (газета) и т. д.

Считали также совершенно необходимым сохранять на письме международные обозначения математических, химических и других формул — 5° , 6% , H_2O и т. п., не допускать здесь написаний типа $^\circ5$, $\%6$ и т. д.

Вместе с тем полагали совершенно недопустимым механическое копирование и перенесение в орфографическую систему языка той или иной народности СССР правил русской орфографии и пунктуации даже и в таких, например, разделах, как правописание прописных букв и правила переноса слов.

При переносе слов с одной строки на другую нельзя разделять двух или трёх рядом стоящих букв, если эти две-три буквы передают один звук и т. д. Необходимо бережное отношение к грамматическим основам любого языка, максимальный учёт особенностей каждого национального языка.

Исходя из указанных положений и были разработаны конкретные проекты новых алфавитов на основе русской графики. В качестве одного из примеров приводим абазинский алфавит на русской графической основе, разработанный нами, утверждённый в 1938 г. народным комиссаром просвещения РСФСР и с тех пор используемый в абазинских школах и печати.

Гласные абазинского языка, соответственно русской системе, передаются через — *а, э, и, о, у, ы*. В произноше-

нии абазинское *ы*, естественно различается от русского, более заднего *ы*. Йотованные гласные — *я, ю, е, ё* — употребляются в том же значении, что и в русской графике. Знак смягчения — *ь*, знак лабиализации — *в*.

Согласные обозначаются посредством: 1) русских букв *б, в, г, д, ж, з, и, к, л, м, н, п, р, с, т, у, ф, х* (*х* и *хн* в латинизированном алфавите + русское *х*), *ц, ч, ш, щ*, *и* (обозначение гортанного взрыва); 2) через согласный + *ъ* — *гъ, хъ, къ* при передаче заднеязычного звонкого спонанта и заднеязычных взрывных — глухого и смычногортанного; 3) через согласный + *I* (римская цифра «один») при передаче смычногортанных *пI, тI, кI, чI, цI, шI*; *шI* — смычногортанный переднеязычный аффрикат. Не вводя в азбуку при первоначальном обучении грамоте смычногортанных спонантов, предложено передавать их через *фI* и *лI*; 4) посредством сочетаний двух букв — *тл* (глухой латеральный спонант), *дз* (зубной звонкий аффрикат), *дж* (для обозначения твёрдого и мягкого переднеязычных звонких аффрикатов), *тш* (глухой переднеязычный аффрикат); 5) сочетанием согласных и знака смягчения *гъ, гъь, къ, жъ, кIь, къь, хъ, ль*; 6) сочетание согласных и знака лабиализации *жв, шв, гв, кв, хъв, гъв, хв* (одновременно для средне- и заднеязычного спонанта), *чв, чIв, кIв, къв, джв, гIв, хIв*. Через *гI* и *хI* решено передавать гортанные — звонкий и глухой спонанты. При подобном использовании русской азбуки для передачи согласных абазинского языка мы как бы сохраняли принципы построения аналитических алфавитов.

Принятие этого проекта свело количество знаков в абазинском алфавите с 51 в латинизированном алфавите до 33 (включая римскую цифру «один» — *I*), установило определённую систему в обозначении смычногортанных, палатализованных звуков — специфических для языков Западного Кавказа, облегчило составление и упростило систему абазинской орфографии.

Переходом к алфавиту на основе русской графики достигнуто упорядочение вопроса об использовании буквы *у*. Знак *у* стал употребляться в двух основных значениях — гласного полного образования и полугласного. Лабиализация всегда передается через *в*.

Из алфавита сочли возможным исключить специальные знаки для твёрдого и мягкого аффрикатов *дж* и *джь*, сохранив для них одно обозначение — *дж*, поскольку упо-

требление твёрдого *дж* ограничено самыми незначительными размерами.

Сочетание абазинских палатализованных согласных с гласными *а, е, и, у* рекомендовано передавать через обозначение простого согласного плюс *я, е, и, ю* без мягкого знака — *ь* (*ба = я, бе = е, би = и, бу = ю*). Это правило ещё больше упростило орфографию и фактически ликвидировало совсем употребление громоздких сочетаний — *кIь* и *къь*.

Сочетание *гъь* осталось только в единичных случаях в конце слов (*тыгъь* — баран, *быгъь* — козёл и некоторые другие). Данным правилом обоснованы и написаны *жя-хIва* (= *жбахIва*) — молоток; *лягян* (взамен *льагъан*) — таз, *гягяра* (взамен *гъагъара*) — круг, *макя* — брусок, *кIяпа* — курдюк, *кIянджы* — кукла, *пхядзара* — счёт, *бацкъя* — плетень; *климат, пленум; сапхюштI* — я буду учиться и др.

Доводя количество знаков в алфавите до 33, реализуемая сейчас система абазинской письменности в полной мере отражает всю сложность и специфичность абазинской фонетической системы.

Таким образом, абазинский алфавит на основе русской графики (без двойных и тройных начертаний) принял следующий вид: а, б, в, г, д, е, ж, з, и, й, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш, щ, ы, ь, э, ю, я, I.

Звуки, имеющие одно и то же произношение в русском и абазинском языках, а также звуки абазинской речи, по произношению весьма сходные с отдельными звуками русской речи, передаются одинаковыми буквами.

Более детальное изложение основных правил употребления отдельных букв в абазинской письменности на русской графической основе дано нами в упоминавшейся уже брошюре «Фонетика и орфография абазинского языка».

Примерно на тех же основах, что и абазинская письменность, строится письменность кабардино-черкесская и адыгейская. Но между ними есть и различия. Дадим краткую характеристику адыгейской и кабардино-черкесской письменности, построенных на русской графической основе.

В целях различия краткого и долгого *а* в кабардино-черкесском и адыгейском алфавитах принято краткий звук *а* передавать через русское *э*, сохранив букву *а* в

качестве обозначения долгого *а*. Таким образом, в отличие от абазинской практики буква *э* имеет ещё одно немаловажное значение.

Дополнительный знак *I*, помимо употребления в смычкотортанных, используется также для обозначения горлового взрывного (межсвязочного, хамзы) и в адыгейском и в кабардино-черкесском.

Гортанный глухой спират передаётся через сочетание *хъ*, а не *хI*, как в абазинском.

Показателем лабиализации согласного является буква *в* (в абазинском *в*).

Меньшее количество палатализованных в адыгских (черкесских) языках дало возможность не прибегать к использованию *ь* в качестве определённого показателя смягчения. В этой роли он выступает лишь при передаче смягчённого *жъ*. В остальных случаях палатализованные передаются, как частично и в русском, особыми ординарными буквами *щ, ч*, а также сочетаниями *кI* и *дж* (см. таблицы согласных).

Шире, чем в абазинском, используется твёрдый знак — *ъ*: при помощи его в адыгейском языке передаются переднеязычные альвеолярные спираты *жъ, шъ, жъу, шъу*, глухой литеральный *лъ*, заднеязычные мягконёбные спираты *гъ, хъ, гъу, хъу*, взрывные *къ, къу* и глухой твёрдый аффрикат *чъ*. Более ограничено используется *ь* в качестве дополнительного знака в кабардино-черкесском. Здесь при помощи его передаются лишь глухой литеральный *лъ* (в абазинском *тл*), заднеязычные спираты *гъ, хъ, гъу, хъу* и взрывные *кхъ, къ, кхъу, къу*.

В остальном использование букв русского алфавита и дополнительных знаков в адыгских (черкесских) письменностях то же, что и в письменности абазин. В абхазских школах с 1938 г. использовалась грузинская графика.

Для специфических абхазских звуков были введены дополнительные обозначения — лабиализация передавалась через присоединение к основной букве небольшого нолика — показателя лабиализации; палатализация согласных — через особый дополнительный знак «*ҭ*», твёрдость согласного — через знак, напоминающий маленькое перевёрнутое *э*.

Все дополнительные знаки ставились в абхазском алфавите на грузинской графической основе справа от основного корпуса буквы.

В 1954 году по требованию всей абхазской общественности в Абхазии взамен грузинской графики также вводится алфавит на русской графической основе. Объясняется это рядом причин, на которых вкратце мы сейчас и остановимся, после чего охарактеризуем и новый абхазский алфавит.

Ещё в шестидесятых годах прошлого столетия крупнейший русский кавказовед П. К. Услар разработал для абхазцев алфавит на основе русской графики. У П. К. Услара были две возможности — создать абхазскую азбуку или на русской, или на грузинской графической основе.

По твёрдому убеждению выдающегося русского учёного, одна и та же азбука может быть применима в ряде языков, причём «каждый народ будет произносить буквы не совсем так, как их произносит другой, но все-таки не изменяя коренных условий их произношения»¹.

Самой удобной азбукой П. К. Услар считал ту, которая заключает в себе, если не всё, то, по крайней мере, наибольшее количество звуков, однородных с встречающимися в языках, для которых создаётся письменность. Ни латинский, ни немецкий (готический) алфавиты не являются удобными для составления азбук горских языков. Обилием обозначений согласных русский алфавит значительно превосходит другие европейские азбуки, что уже и до Услара подчёркивали русские академики Шёгрэн и Бётлинг, составившие на русской основе алфавиты для осетин (Шёгрэн) и якутов (Бётлинг)². Но и в русском алфавите недостает знаков для выражения ряда придыхательных, гортанных и некоторых других, свойственных языкам Кавказа.

Большой ценностью грузинского алфавита П. К. Услар считал то, что в нём каждый звук обозначается особым знаком и каждый знак постоянно передаёт один и тот же звук. Систему построения грузинской азбуки поэтому Услар оценивал высоко и полагал, что в применении к самому грузинскому языку грузинский алфавит едва ли «не есть совершеннейший из всех существующих

¹ П. К. Услар, О составлении азбук кавказских языков. Напечатано в качестве приложения к монографии «Абхазский язык», Тифлис, 1887, раздел «Статьи», стр. 47.

² См. А. М. Шёгрэн, Осетинская грамматика, С.-Петербург, 1844, а также О. Böttlingk, Die Sprache der Jakuten, S.-Peterburg, 1853.

алфавитов». Систему построения грузинской азбуки Услар находил необходимым учитывать и при составлении азбуки для других языков Кавказа, не имевших в его время письменности.

Но вместе с тем он предупреждал, что если при этом заниматься у грузин не только системой азбуки, но и начертание букв, то тем самым будут созданы затруднения в дальнейшем распространении грамотности среди народов Кавказа. «Грузинский алфавит, — писал он, — употребляют одни лишь грузины; он резко отличается как от русского, так и от европейских языков; притом теперь уже русская грамотность весьма распространена между образованными грузинами и армянами...»¹.

Отсюда П. К. Услар делает правильный вывод о необходимости создания для горцев, в том числе и для абхазцев, алфавитов на основе русской графики с учётом фонетической специфики отдельных горских языков, что требует некоторых добавлений к русскому алфавиту. Эти добавления П. К. Услар считал совершенно необходимыми, так как чрезмерное употребление надстрочных или подстрочных знаков, так называемых «диакритик», и также сочетаний букв для выражения одного звука он правильно рассматривал как недочёт любой азбуки.

Исходя из указанных выше соображений, Услар и составил сперва общий «кавказский» алфавит, имевший не столько практическое, сколько теоретическое значение, а затем ряд практических алфавитов для численно наиболее значительных горских языков Кавказа: абхазского, аварского, даргинского («хюркилинского»), лезгинского («кюринского») и табасаранского. При его содействии на русской основе был составлен алфавит для кабардинцев. Его же советами пользовался полковник Каменев, разрабатывая в своих заметках о черкесском языке алфавит для черкесов (современных адыгейцев).

Составлением горских азбук на основе русского алфавита П. К. Услар, по его собственным словам, преследовал цель — «облегчить для горцев усвоение русской грамотности. Здесь потребности горцев и европейских учёных

¹ «Абхазский язык», раздел «Статьи», стр. 50.

расходятся», — добавлял он, имея в виду некоторых современных ему учёных, печатавших материалы о горских языках на европейских языках, думая только о том, чтобы облегчить ознакомление с ними этих учёных.

Таким образом, Услар первый составил для абхазцев азбуку на русской основе. Он первый, к тому же на русском языке, дал и научное изложение грамматики абхазского языка, не потерявшее своей ценности и в наше время. Заслуги П. К. Услара в абхазоведении исключительно велики.

Очень важно иметь в виду, что в позиции П. К. Услара в оценке достоинств и известных недочётов грузинской графики фактически полностью присоединялся и выдающийся грузинский педагог Яков Семёнович Гогешвили (1840—1912).

В своей статье «О грузинском и русском алфавитах с педагогической точки зрения», впервые напечатанной в Тифлисе в 1902 г., Я. С. Гогешвили так же, как и П. К. Услар, высоко оценивал систему построения, лингвистические достоинства грузинского алфавита и орфографии, но в то же время отмечал очень большие педагогические недочёты этого алфавита.

Я. С. Гогешвили писал буквально следующее:

Но, с другой стороны, процесс обучения грузинской грамоте затрудняется тем обстоятельством, что грузинские буквы гораздо сложнее русских. Русские буквы почти все помещаются между двумя линиями, а если некоторые из них выходят за пределы этих линий, то на незначительное расстояние (б, р, у, ф) и не существенными своими частями. Из грузинских рукописных букв (они же и печатные) только четыре (ა, ო, ც, ზ) помещаются между двумя линиями, а все остальные представляют восходящие и нисходящие буквы, при чем верхние и нижние их части в полтора раза длиннее, а иногда и важнее центральных частей, в чем наглядно убеждает и начертание этих букв: ბ, გ, დ, ე, ზ, კ, ლ, მ, ნ, პ, რ, ს, ტ, ჟ, ჩ, ც, ყ, შ, ხ, ძ, ჳ, ჯ, ბ, ზ, ჳ.

В той же статье, несколько ниже, Я. С. Гогешвили отмечал: «Тем не менее сложность и большая длина грузинских букв остается всё-таки условием, до известной степени парализующим благоприятное влияние всех дру-

¹ См. Я. С. Гогешвили, Избр. педагогич. соч., изд-е АПН РСФСР, 1954, стр. 274.

гих счастливых условий и препятствующим быстрому усвоению грузинской грамоты»¹.

С небольшими изменениями абхазский алфавит Услара использовался в абхазской школе и печати до 1926 г., когда он был заменён так называемым «абхазским аналитическим алфавитом» Н. Я. Марра (на латинской основе). Абхазский алфавит акад. Марра просуществовал в Абхазии всего лишь два года и вследствие своих крупных педагогических и технических недостатков вынужден был уступить место латинизированному алфавиту в редакции бывшего Центрального Комитета нового (латинизированного) алфавита.

В 1938 г., когда подавляющее большинство народов Советского Союза переходило с латинизированных алфавитов на русскую графическую основу, абхазцы вынуждены были принять грузинское письмо. В условиях Абхазии это письмо в педагогическом отношении оказалось ещё более сложным и крайне трудным для усвоения, поскольку в него были включены дополнительные знаки и двубуквенные обозначения для передачи большого количества отсутствующих в грузинском, но специфичных для абхазского языка звуков.

Следует учесть также, что в течение ряда лет грузинские шовинисты затрудняли изучение абхазцами русского языка, пытались отрывать их от прогрессивного воздействия русской культуры и литературы, в советских условиях являющихся сильнейшим проводником коммунистического мировоззрения и новых, социалистических форм жизни и быта.

Всё это и определило решение абхазского населения ввести с 1954/55 уч. г. обучение в абхазских школах вновь на алфавите с русской графической основой. Значение этой азбуки облегчит абхазскому населению и изучение русского языка.

Новый абхазский алфавит на русской графической основе состоит из 40 ординарных, основных знаков и 24 буквенных сочетаний. Все палатализованные (смягчённые) согласные передаются при помощи мягкого знака — *ь*, лабиализованные или посредством вновь вводимой буквы *ә*, или путём сочетания основного знака с буквой *у*.

¹ Там же, стр. 275—276.

Достоинством нового абхазского алфавита является отсутствие в нем трёхбуквенных обозначений звуков. Значительным недочётом его является некоторая пестрота графики в результате включения в алфавит букв графически неудачных, трудно усваиваемых, одна из которых употребляется и в двубуквенном обозначении — педагогически просто неприемлемом¹.

V

Особенности передачи определённых групп согласных в языках Западного Кавказа должны обязательно учитываться как при построении букваря и изучении грамоты, так и в дальнейшем ознакомлении учащихся с фонетикой родного языка.

Фонетические и графические особенности горских языков Западного Кавказа требуют от составителей букварей для соответствующих школ определённой и строго проводимой системы в подаче словарного материала.

Естественно, что в первую очередь должны даваться слова, не сложные по своему звуковому составу и написанию. Нельзя на первых страницах букваря давать слова со звуками, передаваемыми через сочетание двух или трёх букв. Следовательно, ознакомление со смычно-гортанными, многими палатализованными и лабиализованными надо отнести во вторую половину букваря.

Несомненно, что на первых порах в букварях должны помещаться слова с, так сказать, исконными гласными в горских языках Западного Кавказа — краткими *a* (*э* — в кабардино-черкесском и адыгейском) и *ы*. В адыгейских и кабардино-черкесских букварях могут быть в начале букваря и слова с долгим *a*.

Поскольку долгие гласные *e*, *и*, *o*, *у* в западнокавказских языках развились или из дифтонгов, или в результате стяжения гласных соседних слогов, или в связи с чужезычными лексическими заимствованиями, причём и в произношении и в написании слов с этими гласными нет

¹ Подробный анализ западнокавказских горских алфавитов на русской основе даётся нами в статье «Об алфавитах на русской графической основе для языков Западного Кавказа». «Родной и русский языки в школах Северного Кавказа», М., изд-во АПН РСФСР, стр. 130—145.

ещё твёрдо установившихся (за исключением ряда заимствований) норм, слова с этими гласными следует избегать в первой половине букваря. Исключения возможны в редких случаях, например, при включении в букварь слов звукоподражательных типа «му-му» (мычание коровы), «уа-уа» (плач ребёнка) и то лишь тогда, когда подобные звукоподражания действительно приняты в данном языке, а не являются заимствованиями из русского речевого обихода.

Подбор слов в букварях с буквами *e*, *и*, *o*, *у* должен быть тщательно продуман, так как каждая из этих букв выступает, как мы уже видели, в ряде фонетических значений. Нельзя на одной странице букваря и даже на нескольких, но непосредственно смежных, давать слова, в которых, допустим, буква *у* выступает и как обозначение гласного, и как обозначение сонорного согласного, и как показатель лабиализации.

Для лучшего усвоения различных значений данной буквы следует методически тщательно отбирать вводимые в букварь слова, последовательно знакомя учащихся с различным использованием той или иной буквы. К сожалению, на это далеко не всегда обращается внимание составителями букварей.

Поскольку в абазинском, кабардино-черкесском и адыгейском языках знак «*l*» является показателем смычно-гортанных (надгортанных) звуков, необходимо добиться прочного усвоения учащимися роли этого знака; и, с нашей точки зрения, было бы целесообразно ознакомление со смычногортанными сконцентрировать на определённых, рядом расположенных страницах букваря, посвящая одну страницу, быть может, сразу двум-трём смычногортанным, например: *nl* и *tl*, *цl* и *чl* и т. п. При этом надо провести особое занятие по ознакомлению с рукописной формой буквы — *l*, чтобы лучше различать и на письме букву *l* от других знаков, особенно при сочетании её с предшествующим обозначением взрывного «г».

Рукописное *Гl* нередко совпадает с рукописным же *П*. От подобных написаний учащихся надо предостеречь.

Конечно, надо учитывать различное использование знака *l* в адыгских (черкесских) и в абазинском языках.

В кабардино-черкесском и адыгейском букварях особо от смычногортанных на отдельных страницах надо знакомить учащихся с *l* как буквой, обозначающей гортан-

ный взрывной (хамзу). В абазинском букваре сочетания *gI*, *xI* должны быть даны отдельно от смычногортанных, так как эти сочетания передают особые гортанные спланты.

Лабиализация согласных в черкесских языках всегда передаётся через добавление к ординарному или двубуквенному обозначению звука специального показателя лабиализации — буквы *y*.

Естественно сконцентрировать в одном месте, на нескольких рядом расположенных страницах букваря, ознакомление с лабиализованными согласными, давая на одной странице, допустим, лабиализованные *жv*, *шv* или *ку*, *гу*, *кIу* и т. д. Конечно, и в этом случае букве *v* или *y* в иных значениях в букварях должно быть уделено особое место.

Вполне понятно, что ознакомлению учащихся со смычногортанными или лабиализованными должно предшествовать ознакомление их с соответствующими звуками — несмычногортанными и нелабиализованными. Новым для учащихся должен быть только один элемент — способ передачи смычногортанности, лабиализации и др.

В новом абхазском и абазинском алфавитах выдержана как передача лабиализации, так и передача палатализированных. Ознакомление с палатализированными (смягчёнными) в букваре должно методически строиться так же, как и ознакомление со смычногортанными и лабиализованными.

Заднеязычные в абазинском и кабардино-черкесском передаются путём присоединения к согласным *x*, *g*, *k* твёрдого знака — *ʒ*. Это даёт возможность сгруппировать на смежных страницах и ознакомление учащихся с этой группой согласных (в кабардино-черкесском ещё *kx*), особо, конечно, знакомя их с *ʒ* как обозначением гортанного взрыва (хамзы) и как со знаком разделительным (в кабардино-черкесском ещё — латеральный глухой *лʒ*). В адыгейском, где *ʒ* используется значительно шире в качестве дополнительного знака, нужно строго дифференцировать его значение и соответственно вводить его в букварь.

Ознакомление учащихся с двубуквенными обозначениями должно всегда предшествовать усвоению ими в самостоятельном значении отдельно каждого элемента, входящего в двубуквенное сочетание.

Трёхбуквенное обозначение может быть дано учащимся только тогда, когда они предварительно хорошо поняли и запомнили значение каждой буквы, входящей в трёхбуквенное обозначение, и затем значение двубуквенного сочетания, к которому присоединяются показатели или палатализации, или лабиализации.

Разбивая слово на слоги, составитель букваря и любого другого учебника никогда не должен забывать, что всякое двубуквенное или трёхбуквенное обозначение в целом должно входить в состав одного слога.

Имеющиеся сейчас буквари для кабардинских, черкесских, адыгейских и абазинских школ далеко не всегда учитывают выдвинутые нами требования. Не всё из указанного выше было учтено и нами при подготовке к печати абазинских букварей.

В адыгейском букваре Д. Ашхамафа, изданном в г. Майкопе в 1944 г. и переиздававшемся несколько раз¹, не выдержан ряд сформулированных выше требований. Слишком быстро, страница за страницей, учащиеся должны знакомиться с различными гласными. На стр. 7 даются впервые слова с долгим гласным *a*, на стр. 9 даётся уже новый гласный — краткий *a*, передаваемый в адыгейском алфавите через *э*; на 11 стр. вводится долгий гласный *y* двоякого происхождения — в заимствованном из русского языка слове «ура» и в таких адыгейских словах, как *унэ* — дом, *урам* — улица, *Умар* — собственное имя и т. п., где *y* не потерял ещё совсем своего дифтонгического характера: многие адыгейцы и до сих пор говорят *уынэ*, *уымэ*, *уырам*, *Уымар* и т. п.

На 12 стр. звук *y* дан в новом значении — в качестве гласного неполного образования (полугласного) в дифтонгах *ya*, *au*: *уан* — седло, *Нау* — собственное имя, *мау-мау* — звукоподражание и др. На 15 стр. вводится гласный *ы*, причём в слове *шыу* звук *y* рассматривается почему-то в качестве слогообразующего, слово *шыу* делится на два слога *шы-у*. На 17 стр. даётся долгий *и* преимущественно дифтонгического и стяженного (из гласных соседних слогов) образования: *аи* — стена, *иун*, *ишар* и др. Тут же *и* в собственном имени *Нин*, *Нинэ*. На стр. 19 мы видим *е* в начале слова — *ее*, *еен* — река, *Елмыз* — соб-

¹ Д. I а ш ʒ х ʒ э м а ф, Букварь. Адыгэ хэкум инациональнэ издательств, Мыекʒуапэ, 1944.

ственное имя, в начале слога после гласного *зае, мые, лые*, после согласного *сесы, мел*. На стр. 21 введена буква *о* в различных по своему происхождению и произношению буквы словах: *сом* — рубль, *Аоз, Мос, Осмэн* — собственные имена, *осы* — снежная баба, *моры* — указательное местоимение, *сэшхо, осышхо* и т. п.

Таким образом, на первых четырнадцати страницах букваря введены все гласные — долгие и краткие (*а, э, у, ы, и, е, о*), различного образования (*у, и, е, о*), различного современного звучания, в словах различного происхождения. Для закрепления этих гласных в их различных значениях даётся явно недостаточно материала, и вряд ли методически правильно на первых же страницах букваря давать в таком изобилии сложный фонетический материал.

Ознакомление с буквами *я, ю, ё* в словах, заимствованных из русского и в местной лексике — *мач, ясл* — ясли, *яж* — причёсывает волосы, *яй* — мажут (дом), *якIэ* — делают, *союз, Люб, Юныс, Юсыф, ёлк* — ёлка, *лётчик, пулемёт*, правильно отнесено на конец букваря. Не вызывает возражений и использование последних страниц букваря для знакомства учащихся с буквой *э* в словах, заимствованных через русский язык, — *этаж, этажерка, аэроплан, аэродром*; с буквой *в* в словах того же происхождения — *паровоз, вагон, варен* — варенье, *валенк* — валенки, *вож* — вожжи и т. п. Правильно в самом конце букваря даны страницы с твёрдым знаком — *ъ* в разделительном значении: *объявлен, съезд*. Тут же находится и страница на усвоение слов с *ь* как знаком смягчения предшествующего согласного: *тетрадь, рельс* и т. п. Её можно было бы, учитывая особенности адыгейской фонетики, дать рядом со смягчённым (мягким шипящим спирантом) *жь*, в обозначении которого *ь* играет роль знака смягчения предшествующего согласного.

Со смычногортанными и их обозначением учащиеся по адыгейскому букварю будут знакомиться после того, как они уже усвоят значение и употребление знака «I». Это правильно. Хорошо и то, что с обозначениями смычногортанных школьники будут знакомиться после усвоения обозначений соответствующих глухих: *п—пI, т—тI, ц—цI* и т. п. Вызывает сожаление только разбивка смычногортанных по всему букварю; следовало бы дать их концентрированное. Вряд ли прав был автор, исключив

совершенно из букваря обозначение лабиализованных. Ознакомившись с материалом всего букваря, учащиеся не будут знать большой группы лабиализованных согласных и простого способа — через добавление *у* — их передачи на письме.

Если бы придерживаться нашего положения о возможности и необходимости концентрированного ознакомления учащихся со способами передачи смычногортанных и лабиализованных и давать на одной странице по два-три смычногортанных или лабиализованных, ознакомление с ними не составило бы особого труда и не заняло бы в букваре много места.

Автор допускает исключение почему-то лишь для лабиализованного *дзу*. На стр. 60 мы находим и специально выделенное обозначение этого лабиализованного аффриката *дзу* и слова для усвоения его (правда, в небольшом количестве) — *хьандзу* — стог, *хьандзом, хьандзохэр*. Остальные лабиализованные согласные вводятся прямо в текст следом за ознакомлением с соответствующим нелабиализованным. Так, на стр. 34 школьники знакомятся со звуком *к* и на этой же странице даётся собственное имя с двумя лабиализованными — *Куаку*, на следующей стр. *Куцыку* — собственное имя, *сэку* — грива и др. На 36 стр. находим рядом с *кI* (*шкIэ* — телёнок) лабиализованный *кIу* в словах — *дакIу, кIуатэ, мышкIу, кIо* и т. п. На стр. 40 вводится звук *г* в словах *чыгы* — дерево, *гыны, бгы* и др. На следующей странице даётся *гогон* — кувшин, *паго, огу, джэгу, фыгу* и т. п. На 42 стр. сразу вводится *гъ, гъо, гъу*, т. е. и нелабиализованный и лабиализованные. На стр. 47 находим *ц*, на стр. 48 — *цI*, на стр. 49 — *цу* в ряде слов без специального ознакомления учащихся с обозначением свистящего лабиализованного аффриката. На стр. 50 — *хъ* и *хъу*, на стр. 51 — *къ, къу, къо* и т. д.

Подобная система, как нам представляется, несомненно, затрудняет и работу учителя по ознакомлению с отдельными звуками адыгейского языка и усвоение их учениками первого, а иногда и подготовительного классов. Ученик сразу должен усвоить, допустим, и обозначение заднеязычного *къ* через сочетание двух букв и передачу лабиализованного *къ* посредством сочетаний *къу* и *къо*. Это, конечно, для семи-восьмилетнего школьника очень тяжело.

Ряд серьёзных недочётов имеется и в адыгейском бук-

варе А. Хоретлева, с которым мы знакомы по изданию 1951 г.¹ Здесь также очень быстро, без достаточного материала для упражнений и усвоения, даются все адыгейские гласные — *а, э, у, ы, и, е, о*, причём буква *у* сразу даётся в ряде фонетических значений — долгого гласного, развившегося из дифтонга *уы* (*унэ* — дом), а также гласного неполного образования в начальной и конечной позиции дифтонга (*уан, нау*).

Сразу на одной странице в нескольких фонетических значениях даются буквы *и* (*Ни-нэ и-шар, Машинэм ие* и под.), *о* (*Ос-мэн, о-сы, ли-мон, сэ-шхо*) и др. Уже в приведённых примерах буква *и*, например, передаёт и долгий гласный после смягчённого согласного (*Нинэ*) и адыгейское йотированное сочетание *йы* (*и-шар, ис*) и русское *ы*, после твёрдого шипящего, орфографически передаваемого через *и* (*Машинэм*). Буква *о* в приведённых примерах дана и на месте дифтонга *уа* в начале слова (*Ос-мэн*), и на месте сочетания *уа* в конце слова после согласного, являющегося лабиализованным, (*сэшхо*), и на месте русского долгого *о* (*ли-мон*).

Вряд ли учащимся легко работать по этому букварю. Система подачи в нём гласных, отбор материала для усвоения их недостаточно продумана.

Вызывает большие замечания и вообще ознакомление с лабиализованными согласными. Они не только не выделяются в букваре, но как будто бы сознательно перемешиваются с совершенно такими же буквенными сочетаниями, в которых буква *у* не является уже показателем лабиализации, а обозначает долгий гласный, образованный из *уу, уы*. Так, например, знакомя с буквой *І* в роли межсвязочного (хамзы) — *Іэ* — рука, *Іадэ* — щипцы, букварь сразу даёт такие примеры, как *едэІу, едэІух, хелу, хэлу*, в которых сочетанием *Іу* передаётся и просто лабиализованный согласный (*е-дэІу, хэлу*) и лабиализованный согласный с долгим гласным (*е-дэ-Іу, х-Іу*). Только по чёрточке (знаку слогораздела) догадываешься, каково смысловое значение слова и каково фонетическое значение данного буквосочетания.

Подобные, явно недопустимые в букваре, языковые загадки мы встречаем на многих страницах.

¹ А. Хъорэл І, Букварь. Адыгэ хэкум инациональнэ издательств, Мыекъяупэ, 1951.

Недостаточно продумано в букваре и ознакомление учащихся с русскими буквами *я, ю, е, ё*. Их двойная природа — передача, с одной стороны, йотированных гласных *йа, йу, йэ, йо* и, с другой — гласных *а, у, э, о* после смягчённых согласных, здесь совершенно не учтена, вследствие чего материал подобран неверно и односторонне.

В букваре имеется довольно много и других языковых и педагогических недочётов, свидетельствующих о необходимости решительного исправления букваря в новых изданиях.

Не всё отточено и в кабардино-черкесском букваре Х. Эльбердова, изданном в г. Нальчике в 1944 г. и переиздававшемся после этого несколько раз (в 1953 г.¹). К сожалению, несколько спешно вводятся гласные, различные по своему происхождению и характеру, недостаточное количество материала для усвоения произношения многозначных букв, спорны отдельные приёмы ознакомления учащихся со смычногортанными и лабиализованными.

На 12—13 стр. даются гласные *а* и *у* в междометиях *а! у! уа!* Эти гласные повторяются на следующей странице в сочетании с согласным *м*: *ам! му-му!* На 15 стр. вводится гласный *э* (краткий *а*), повторяется *а* и *у*, но последнее дано уже в значении полугласного: *уэ, уа*.

На стр. 16 дано сразу *унэ* (дом) в связи с введением согласного *н*. В этом слове *у*, образованное из дифтонга *уы*, рядом с ним *у* в дифтонгах *уа* (*уанэ* — седло). На стр. 21 находим гласный *ы*, на стр. 22 *и* преимущественно в собственных именах — *Иуан, Нинэ, Римэ* — и в роли союза. Лучше было бы несколько отодвинуть прохождение этого звука, дать его ближе к страницам, на которых учащиеся знакомятся с гласными *е, о*.

Возможно, что автор поспешил ввести раньше букву *и*, чтобы затем легче оперировать с глагольными формами, включающими префикс *и*; см. на стр. 23: *уиша*; на стр. 25: *ишац* (повёл, повёз) и т. д. Но, как мы уже говорили, в кабардино-черкесском и других языках Западного Кавказа долгий *и* позднейшего происхождения появляется или в результате стяжения гласных соседних слогов, или в результате преобразования дифтонгов *йы, ый*,

¹ Хъ. Эльберд, Букварь. Къэбэрдей тхылъ тедзапІэ, Нальшык, 1953.

или под влиянием заимствуемых из других языков слов с долгим гласным *и*. Не установилось ещё и одинаковое произношение буквы *и*. Поэтому надо давать материал, хорошо подобранный, в чёткой методической последовательности, знакомящий с различными вариантами произношения букв *и, е, о, у*.

Вполне возможно и целесообразно давать в букваре и русские по происхождению слова, в составе которых имеются долгие *и, е, о, у*, что и делает автор в последних изданиях букваря. Это облегчает усвоение кабардино-черкесскими школьниками недавно вошедших и развивающихся в коренном кабардино-черкесском лексиконе долгих гласных. Вообще последние издания букваря лучше первых и в методическом отношении и со стороны своего внешнего оформления. Но и в них имеется ряд недочётов, частично уже отмеченных.

Концентрированно даются в букваре смычногортанные, отнесённые к концу букваря (стр. 88—100).

Обозначения лабиализованных в кабардино-черкесском букваре почему-то совсем не выделяются, хотя ознакомление с ними проводится в известной системе, сейчас же после соответствующих согласных нелабиализованных; примеров на усвоение их даётся больше, чем в адыгейском букваре. Не выдержана система в ознакомлении школьников с разнохарактерными звуками, передаваемыми через согласный и твёрдый знак. Глухой латеральный *л̥* (стр. 73) почему-то дан между заднеязычными *к̥* (стр. 70), *г̥* (стр. 77), *х̥* (стр. 81).

Интересно даётся материал на букву *ѣ* — твёрдый знак. Автор удачно подобрал примеры из кабардино-черкесского языка, в которых, действительно, *ѣ* выступает в разделительной функции (*зѣирт, зѣяц, вѣяц, дѣи* и др.). Но русских (по происхождению) слов с твёрдым знаком в роли разделительного знака почему-то нет совсем (*сѣезд, обѣявлена* и др.). В букварных столбиках разных изданий тут же приведены слова, в которых твёрдый знак не является знаком разделительным — *лѣанѣ* (подножье), *губгѣуѣ* (поле), что методически совершенно не оправдано. Материал для чтения, иногда большой и сложный, даётся методически не отработанный, в частности на букву *э* (экскаватор). Надо было дать материал более простой и лёгкий для усвоения.

Повторными изданиями за последние годы несколько раз в г. Черкесске выходил абазинский букварь.

Последнее, заново переработанное издание вышло в 1952 г.¹

Фонетические и графические особенности абазинского языка требовали от составителей букваря определённой и строго проводимой системы в подаче словарного материала.

На первых страницах букварного текста авторы букваря давали слова, простые не только по своему звуковому составу, но и по написанию, в первую очередь — слова со звуками, передаваемыми только посредством одной буквы. Совершенно не допускались здесь слова со звуками, обозначаемыми через сочетание двух или трёх букв. Ознакомление со смычногортанными, лабиализованными и подавляющим большинством палатализованными отнесено поэтому во вторую половину букваря. Исключение сделано только для смычногортанных *тI* и *пI*, которые обязательны в абазинских глаголах и без которых трудно составлять законченные предложения с глагольными формами. Но ознакомление со смычногортанными *тI* и *пI* всё же проводится после того, как учащиеся уже ознакомились с четырнадцатью абазинскими звуко-буквами.

Поскольку в абазинском письме знак *I* является преимущественно показателем смычногортанных звуков, в целях лучшего и прочного усвоения учащимися роли этого знака, авторы букваря стремились ознакомление со смычногортанными звуками и их обозначением сконцентрировать на определённых, рядом расположенных страницах букваря. Поскольку лабиализованные согласные в абазинском передаются всегда при помощи буквы *в*, а палатализованные, за исключением *ч, чI*, при помощи *ь*, ознакомление учащихся с лабиализованными и палатализованными согласными составители букваря тоже концентрировали на расположенных рядом страницах. В силу тех же соображений рядом дан материал и на ознакомление учащихся с заднеязычными — *к̥, х̥, г̥*.

Вполне понятно, что ознакомлению учащихся со смычногортанными, лабиализованными, палатализованными

¹ Проф. Г. П. Сердюченко, С. Х. Гонов, Абаза бызшвала букварь, Облиздат, г. Черкесск, 1952.

предшествует в букваре ознакомление школьников с соответствующими звуками — несмычногортанными, нелабиализованными, непалатализованными. Новым для учащихся на очередном уроке всегда является только один элемент — способ передачи смычногортанности, лабиализации и др.

Прежде чем знакомиться с двубуквенным обозначением какого-то звука (*гъ, къ, хI* и под.), учащиеся должны усвоить в самостоятельном значении основную букву, входящую в состав двубуквенного сочетания.

Трёхбуквенное обозначение звука даётся учащимся только тогда, когда они предварительно хорошо поняли и запомнили значение каждой буквы, входящей в трёхбуквенное обозначение, а также значение двубуквенного сочетания, к которому присоединяются показатели палатализации или лабиализации. Естественно, что всякое двубуквенное или трёхбуквенное обозначение звука должно всегда входить в состав одного слога.

Следовательно, создавая букварь, авторы его учитывали не только трудность усваиваемого звука, но и сложность его обозначения.

Из гласных на первом месте в букваре поставлены *а, ы* как звуки, исконно существующие в абазинском языке и характеризующие простейший корневой фонд абазинского языка. Рядом с ними дан долгий гласный — *у*. Буква *у*, передающая полугласный, отодвинута на следующие страницы букварного текста.

Но, конечно, отдельные недочёты имеются и в этом букваре. Основным из них всё же является недостаточная отработка текста, нередко встречающиеся сложные по своему звуко-буквенному составу слова, затрудняющие обучение школьников чтению.

Таким образом, учитывая фонетические и графические особенности языков Западного Кавказа, следует улучшить систему построения букварей на этих языках, облегчив тем самым труд учителя и прохождение материала школьниками.

Уже обучаясь чтению по букварю, школьники знакомятся со всем фонетическим разнообразием изучаемого ими языка. Начальный период обучения грамоте заставляет их усвоить и основы принятой в данном языке графики. Но в букварный период у школьников на первом

плане чисто практические задачи — научиться читать и писать, всё подчиняется этой цели.

Более осознанное восприятие и усвоение особенностей языка приходит лишь на последующих этапах школьного обучения, о чем мы должны будем говорить в особой работе.

На протяжении всего периода обучения детей грамоте на родном языке проходят и систематические занятия по развитию их речи. Это достигается путём проведения с первых же дней пребывания детей в школе бесед об окружающих их предметах и наблюдаемых ими явлениях, о виденном и слышанном ими в семье, школе, в колхозе и аулсовете, об изображённом на рассматриваемых ими различных иллюстрациях, рисунках и картинах. Уже с первых уроков школьников надо приучать к построению правильных ответов на вопросы, задаваемые учителем, умению связно рассказать о виденном на улице, в классе, в кино, о прочитанном в книге и т. д.

Первые страницы букварей заполнены различными рисунками и картинками, которые предназначены для использования их на разговорных (лексических) уроках и для развития родной речи учащихся. Приведены картинки о детской жизни в семье, занятиях детей в школе, о работе на огороде, о домашних животных, машинах, используемых в колхозе, о Советских Вооружённых Силах и др.

Материал первой страницы даёт возможность учителю провести беседу о Советском государстве и его великих вождях, о Коммунистической партии Советского Союза, обеспечившей всем народам нашей страны возможность счастливой, радостной жизни, культурного развития и хозяйственного благосостояния, обучение детей всех национальностей в школе. Беседа эта, конечно, должна быть проведена популярно, в форме, доступной для детского понимания.

В кабардино-черкесском букваре Х. Эльбердова на первой и второй страницах помещены рисунки, иллюстрирующие первые дни пребывания ребёнка в школе, его сборы в школу, воспоминания о детском саде. Эти рисунки также дают достаточно богатый материал для бесед учителя с учениками в первые дни занятий.

Рисунками, предназначенными для бесед и лексиче-

ских занятий со школьниками, начинается и адыгейский букварь А. Хоретлева¹.

Ко всем иллюстрациям, помещенным в добукварной части букварей, учитель может обращаться и в букварный период, тематически связывая их с материалом, проходящим при ознакомлении учащихся с отдельными звуками родного языка и их обозначением на письме. Так, изучая по абазинскому букварю обозначение звука *xI*, читая текст со словами *xIa* — груша, *абна xIa* — лесная груша и др., учитель может провести с учащимися беседу о колхозном и школьном садоводстве, показывая при этом рисунки, изображающие различные фрукты на одной из страниц добукварной части. Таким же порядком могут быть в букварный период привлечены рисунки, изображающие овощи, домашних животных и др., данные в материалах добукварного периода.

Естественно вспомнить сказку о лисе и петухе, представленную в картинках в добукварной части кабардино-черкесского букваря, при ознакомлении по этому букварю со звуком *b* и словом *бажэ* — лиса (стр. 39). Знакомясь с буквой *я* в словах *яслъэ*, *яслъэм* (стр. 65), дети вспомнят своё пребывание в дошкольных учреждениях, в частности в детском саду, а это приведёт их снова к беседе по картинке из добукварной части.

Занятия по развитию речи и так называемые лексические (разговорные) уроки являются обязательной ступенью, предваряющей обучение детей грамоте. На этих лексических занятиях дети обучаются правильному произношению слов и фраз, овладевают навыками в расчленении предложения на составляющие его части, отдельные слова, в разбивке слова на слоги, в выделении в составе слова и слогов отдельных звуков. Анализ слова и предложения переплетается с упражнениями по слиянию отдельных звуков в слоги, слогов — в слова и по построению предложений из отдельных слов.

Рядом с картинками, даваемыми в начале букваря, помещаются и разнообразные упражнения, подготавливающие ученика к обучению его письму. Материалы для простейших зарисовок (флажки, лестнички, домики, кон-

¹ В дальнейшем мы будем брать примеры преимущественно из абазинского учебника. Опыт работы по этому учебнику даст необходимые ориентиры и для учителей других горских школ Западного Кавказа.

туры фруктов, овощей и др.) тренируют руку ребёнка, делают её более гибкой, приучают ребёнка делать те движения, которые потребуются ему впоследствии, при письме различных букв и их сочетаний.

Всё содержание букваря и в первую очередь приводимые в нём тексты преследуют не только образовательные, но и воспитательные задачи. Поэтому при работе по картинке в связи с развитием речи учащихся и при чтении букварных текстов, и при чтении детям материала вслух, дополнительно привлекаемого на занятиях, учитель должен прививать учащимся любовь к Родине и родной природе, любовь к труду, воспитывать в них уважение к старшим, чувство дружбы, товарищества, любовь и уважение к занятиям, книге, науке.

Обучаясь в школе, ребёнок должен быть активен. Применяемый в настоящее время при обучении грамоте в советских школах звуковой аналитико-синтетический метод требует активного участия детей в работе. Он содействует не только образованию, но и воспитанию детей, конечно, при условии правильного его проведения. Великий русский педагог К. Д. Ушинский писал: «Я не потому предпочитаю звуковую методу, что дети по ней выучиваются скорее читать и писать; но потому, что, достигая одной специальной цели, метода эта в то же время даёт самостоятельность ребёнку, беспрестанно упражняет внимание, память и рассудок дитяти, и когда перед ним потом раскрывается книга, то оно уже значительно подготовлено к пониманию того, что читает, и главное, в нём не подавлен, а возбуждён интерес к учению»¹.

Все буквари для горских школ предполагают, что обучение грамоте школьников будет проходить на основе звукового аналитико-синтетического метода. Детально разработали применение этого метода в русской школе и научно обосновали его два выдающихся русских педагога дореволюционной эпохи: В. П. Вахтеров и В. А. Флёров. В советский период наиболее ярким последователем звукового аналитико-синтетического метода в школе является А. В. Янковская. Ею был составлен специальный букварь и методическое руководство к нему. Все современные русские буквари, применяемые в советской школе, построены на аналитико-синтетическом звуковом методе.

¹ «Избранные педагогические сочинения», т. II, стр. 159.

Почему этот метод называется аналитико-синтетическим? Потому, что всё обучение грамоте по этому методу связано с анализом и синтезом звуков читаемых слов и предложений.

Анализ, или разложение, слова на слоги, слогов на звуки — это первый этап в обучении грамоте. Ученик должен понять, как, из каких звуков составлено изучаемое слово; он должен знать, что записанное или напечатанное слово отражает определённый звуковой состав слова, имеющегося в живой речи.

Синтез — вторая ступень в обучении грамоте. Соединяя отдельные звуки в слоги и из слогов составляя слова, учащиеся под руководством учителя проводят работу по синтезу. В процессе этой работы школьники как бы переводят буквы в звуки, звуки в слоги, а слоги в слова.

Занятия по звуковому анализу и синтезу тесно переплетаются друг с другом, постоянно чередуются на протяжении одного и того же урока, проводятся на одном и том же материале до тех пор, пока учащиеся не поймут взаимоотношения звуков и букв, пока они не научатся разлагать любое слово на составляющие его звуки и пока они не усвоят самого механизма процесса чтения, составление из зрительно воспринимаемых ими отдельных букв целых слов и предложений.

Как проводить звуковой анализ на материале горских букварей?

Как при обучении русской грамоте выделить из слова гласные *а, у, ы, о, и, э*¹?

Гласные звуки при выделении их из слова обязательно должны произноситься длительно, причём выделенный из слова гласный так же, как и согласный, должен сопровождаться показом обозначающей его на письме буквы.

В дальнейшем конкретное применение аналитико-синтетического метода обучения грамоте мы иллюстрируем абазинскими материалами, примерами из составившегося нами абазинского букваря. Любой учитель кабардино-черкесских, адыгейских и абхазских школ сможет заменить абазинские примеры соответствующими им приме-

¹ Напомним, что буквою *э* в кабардино-черкесской и адыгейской письменностях передаётся не только русское *э*, но и краткий *а* этих языков, обозначаемый в них через *э*, в отличие от долгого *а*, передаваемого через *а*.

рами из кабардино-черкесского, адыгейского и абхазского языков.

На абазинских материалах мы даём образец применения аналитико-синтетического метода обучения родной грамоте учащихся горских школ Западного Кавказа.

Гласные могут выделяться:

1) из слов, состоящих только из гласных (*а...*, *у...*, *а — у*, *у — а*);

2) из слов, в которых гласный представляет отдельный самостоятельный слог *у-ра*, *а-ла*, *а-да*, *И-ра*, *ра-ди-о*. *э-таж*;

3) из слов, в которых гласный звук дан в прямом слоге: *ма*, *а-ны*, *ны-на*, *му-му*, *ки-но*, *хри-на*, *Ро-за*;

4) из слов, представляющих собой закрытый слог с ясно слышимым и длительно произносимым гласным (*ам*, *топ*, *сом*, *Эль-брус* и др.).

Слова в букваре с гласными подобраны таким образом, чтобы можно было легко выделять нужный звук при первоначальном ознакомлении с ними учащихся.

Согласные звуки можно выделять:

1) из слов, в которых выделяемый согласный находится в конце слова (*ар*, *У-мар*, *ам*, *а-нат*, *а-мыз*, *быж*, *хладжв*, *рахв* и под.);

2) из обратных слогов (*ам-бар*, *ащ-та*);

3) из слов, в которых выделяемый согласный находится в прямом слоге перед гласным (*сы*, *ш-ла*, *за-ман*, *фа-чIвы*, *хы*, *ва-гон*, *жьи-ра*, *ам-гIа* и др.);

4) из слов, представляющих собою закрытый слог, но с согласным, стоящим перед гласным (*тып*, *шар*, *цIис*, *хан*, *чвам-за*, *тла-пад* и др.).

Звонкие согласные (*б, д, г, ж, з, в*) в русском языке, находясь в конце слов, становятся глухими и произносятся, как *п, т, к, ш, с, ф*. Поэтому при обучении русской грамоте звонкие согласные надо выделять не в конце слова, а только в прямых слогах (*гу-си*, *ба-ба*, *жу-ки* и под.).

В абазинском и других языках Западного Кавказа звонкие согласные не оглушаются, не становятся глухими в конце слов и поэтому они могут быть выделены в конце любого слова (*быж*, *мыз*, *хладжв* и др.).

Буквы *я, ю, е, ё*, как было уже сказано, имеют два фонетических значения:

1) в начале слов и слогов эти буквы передают два звука (*я-йа*, *ю-йу*, *е-йэ*, *ё-йо*);

2) после согласных эти же буквы указывают на мягкость предшествующего согласного и гласный звук (кья, хя-хья, лю-льу, хю-хьу, не-ньэ, ле-льэ и др.).

Ознакомление с этими гласными следует проводить на различных уроках. На одних уроках нужно знакомить учащихся с употреблением этих букв в начале слов и слогов, на других — с употреблением их после согласных.

Поэтому в абазинском букваре в различных столбцах даются слова с буквами я, ю в этих двух значениях (ячIва, яцы; Ядыгь, ноябрь, история, Зоя; Ляля, Кярим, Еля; Юля, Юра, юрта, июнь, июль, каюта; Люся, Люба и др.). К сожалению, это не выдержано в других букварях для школ Западного Кавказа.

Звук й нужно выделять в конце таких слов, как май, Дунай, унай; затем уже можно брать такие слова со звуком й, как майка, айззара, в которых звуком й заканчивается слог.

С мягким знаком (ь) в абазинском букваре, как и в русском, учащиеся встречаются дважды: первый раз, когда они изучают его как знак смягчения предшествующего согласного, и второй раз в конце букваря, знакомясь с ним как с разделительным знаком. Твёрдый знак (ѣ) выполняет в абазинской письменности несколько функций: при помощи его передаётся гортанный взрывной звук — хамза; он используется и при передаче заднеязычных гъ, къ, хъ; по примеру русского письма твёрдый знак употребляется и как знак разделительный. Исходя из этого, в букваре на отдельных страницах даются материалы на выделение из состава слова гортанного взрывного — хамзы, трёх заднеязычных и на ознакомление с твёрдым знаком как знаком разделительным.

Буква х используется в абазинской письменности в ряде значений. Поэтому в букваре на отдельных страницах даётся материал для выделения в составе слова звука х как абазинского заднеязычного, черкесо-абазинского среднеязычного и русского х в заимствованных абазинами словах.

Параллельно с анализом слова по звукам должны проводиться и упражнения по слиянию звуков в слоги и слогов в слова (синтез).

Какие приёмы надо использовать для слияния звуков? Как показывает опыт русской школы, легко сливаются гласные звуки с согласными в обратных слогах ($a + p \rightarrow$

$\rightarrow ap, a + n \rightarrow an$); труднее сливать слоги в прямых слогах, но здесь облегчают работу следующие приёмы, проверенные в практике не только русских, но и многих нерусских школ Советского Союза:

1) Учащиеся после разбора слова по звукам и работы с разрезной азбукой вспоминают его произношение в живой речи и, смотря на собранное из разрезной азбуки или напечатанное слово, произносят его так, как они произносят его в обычной живой речи.

2) Учащиеся читают ряд слов, отличающихся одно от другого лишь одним звуком (буквой): та-ба, та-ра, та-на; а-быз, а-мыз; а-нат, а-рат, а-уат; хан, хар; да-бан, да-бар; хшы, мишы и т. д.

3) Учащиеся читают отдельные слова с наращиванием или сокращением отдельных гласных и согласных в начале или в конце слова (ан, бан, лан, ран; пны, упны, бпны, лпны, рпны; сы, сыс; унай, дунай, щта, ащта; уанI-уанI, уанIа).

4) Учащиеся читают одно за другим слова в определённой форме (с префиксом а) и сейчас же в неопределённой форме (без префикса а, но с наращением краткого гласного ы): амиш, мишы; ар, ры; ахиш, хшы; адз, дзы и т. д.

5) Перед чтением прямых слогов учащиеся, не обращаясь к напечатанному слову, предварительно произносят его по слогам, упражняются в правильном произношении отдельных слогов, входящих в состав слова.

6) Учащиеся протяжно (длительно) произносят согласный, а затем быстро переходят к произношению следующего за ним гласного (х-х-хы, с-с-сы, ш-ш-ша и под.). Такие упражнения могут проводиться, конечно, только с длительными, а не со взрывными согласными.

7) При слиянии взрывных согласных с гласным в прямом слоге обращается внимание учащихся на положение органов речи. Губы сомкнуты, например, при произношении звуков м, б, п; сомкнуты зубы и кончик языка при произношении звуков д, т; язык упирается в нёбо при произношении звуков г, к и ряда других. Чтобы произнести слоги ма, ба, па, да, та, га, ка и под., надо быстро разомкнуть органы речи и широко открыть рот. Если же взрывные звуки надо слить со звуком у, то, разомкнув органы речи, губы надо выдвинуть вперед и т. д.

В школьной практике, несомненно, могут быть выработаны и другие приёмы, помогающие учащимся усвоить механизм чтения на родном языке.

При построении букваря авторы учитывали необходимость подачи в нём слов в строго определённой системе, с постепенным усложнением различных слогов, характеризующих звуковую структуру абазинской речи. Вначале ими подбирались слова, включающие в свой состав только двубуквенные слоги — прямые и обратные (ма, хы, сы, ту, ну; ам, ар, ах, аб, ай). Следом за этим вводились трёхбуквенные слоги с гласными в середине слова (бар, мар, ман, тып, тым, мыз, быз, хыр и др.). Лишь после этого давались слова, представляющие собою сочетание однобуквенного или прямого двубуквенного слога с трёхбуквенным слогом, имеющим гласный в середине (а-бар, а-нат, У-мар, да-бан, за-ман, ту-ман, Та-тым, ам-бар, ап-хаз и т. д.). Несколько позже вводятся слова, представляющие собой сочетание трёхбуквенного и двубуквенного слогов (пар-та, хыр-та, тых-ра, рыз-на, щар-да, щым-та и др.).

Учитывая особенности абазинского языка, авторы букваря уже в начальный период обучения грамоте широко вводили слова, составленные из обратного и прямого слогов (ам-хы, ап-ны, ам-за, ащ-ха, ащ-та).

Переходя к трёхсложным словам, авторы букваря давали различные варианты их — с однобуквенными, двубуквенными и трёхбуквенными слогами (а-ла-ра, а-ны-ла, ма-ха-на, ты-па-ла, А-за-мат, а-зы-раз). Постепенно в букваре вводятся трёхбуквенные слова и слова многосложные, включающие в себя трёхбуквенный слог (мзы, мза, щха, щта, бла; хри-на, мхы-ла, бза-за-ра, бза-ха-ра и под.). В случаях затруднений с усвоением подобных трёхбуквенных слогов можно указанные выше слова употреблять в определённой форме (с префиксом *а*) и, таким образом, две согласные разбивать между двумя слогами.

Слоги с йотированными гласными, а также с разделительными твёрдым и мягким знаками (*џ*, *ь*) даются в конце букваря. Туда же отнесено и ознакомление учащихся со звуками *фI*, *лI*, а также с громоздкими обозначениями звуков *гџь*, *кџь*, *кIь*.

Слова, рекомендуемые в качестве исходных для звукового анализа при первоначальном ознакомлении учащихся с новым звуком и его письменным обозначением, да-

ются с конкретным значением: *арба*, *ада*, *ла*, *тана*, *мзы*, *хан*, *тып*, *парта*, *щха*, *наша*, *уанIа*, *шар* и под.

Большое внимание при обучении грамоте (чтению) должно быть уделено работе со слогами. Букварные тексты дают для этого много достаточно разнообразного материала.

Разбив несколько слов на слоги, из полученных слогов школьники могут составлять новые слова. Это можно проследить уже по словам первых страниц букваря, на которых даны такие слова, как *мама*, *рама*, *ура*. Уже из этих слогов могут быть образованы новые слова: *Мара*, путём наращивания — *амара*, *Мура*. Разложив на слоги слово *арба* и имея уже в запасе ряд известных им слогов, дети смогут составить такие новые слова, как *бара*, *раба*, *баба*, *арма* и др. Каждая новая страница букваря даёт возможность учащимся увеличивать и разнообразить работу со слогами.

В работе по анализу и синтезу широко должна быть использована разрезная азбука. Её нужно иметь в двух видах: большого размера для работы со всем классом и небольшого размера для работы каждого ребёнка самостоятельно. Такие азбуки и даются в качестве приложения к букварю.

Желательно, чтобы подавляющее большинство слов, имеющих в букварном тексте, учащиеся сложили при помощи разрезной азбуки. Это будет содействовать хорошему усвоению ими звукового состава слова, а также закреплять в их памяти правильный орфографический облик слова и вырабатывать у них навыки правильного плавного чтения.

VI

Параллельно с материалом для обучения чтению в букваре даётся и материал для обучения письму. Обучение письму проводится одновременно с обучением чтению и ведётся соответственно тем же звуковым аналитико-синтетическим методом. Учащийся, приступая к письму слова, должен предварительно разложить его на слоги и выделить отдельные звуки, буквенное обозначение которых он должен научиться писать. Списывая с букваря то или другое слово, школьник проводит работу по слиянию звуков в отдельные слоги и слогов в целые слова.

Каждое написанное слово ученик должен прочитать вслух. Письмо чередуется с чтением, с работой по разрезной азбуке и т. п.

Поскольку алфавиты горских народов строятся целиком на основе русской графики, то естественно применять в их школах методику обучения письму, разработанную русскими методистами с учётом лучшего опыта русских школ. Именно этот опыт старались учесть и авторы абазинского букваря, разрабатывая приёмы обучения письму абазинских школьников.

В отличие от русской азбуки абазинский алфавит имеет лишь одну букву *l*, образцы написания которой неоднократно даются в букваре в связи с прохождением гортанных и смычногортанных звуков *gl*, *xl*, *tl*, *nl* и т. п.

В букваре даны образцы письма всех букв русского алфавита, указаны приёмы соединения букв в слова. Всё это должно ориентировать учителя и школьника в необходимой педагогической постановке обучения школьников письму.

Для начального обучения письму должны использоваться тетради в три линейки с косыми линиями. Обучение письму начинается со строчных букв; после этого школьники знакомятся с техникой письма заглавных букв. В тех случаях, когда письмо заглавной буквы вызывает большие трудности у школьника, не надо изучение заглавных букв проводить одновременно с изучением строчных букв. Хотя в букваре всюду письмо заглавных букв даётся рядом с письмом строчных букв, изучение таких заглавных букв, как *З, Х, Ж, Н, К, Б, Т, У, Р, В, Д, Ф* может быть отнесено к концу букварного периода или даже к послебукварному периоду, когда учащиеся повторяют весь изученный ими алфавит и переходят к чтению коротких рассказов, сказок, отдельных стихов, загадок и пословиц.

Для письма рекомендуется брать разные слова и писать их по нескольку раз. Материал для письма учитель может брать из столбиков, приводимых почти на каждой странице букваря, постепенно усложняя задания и увеличивая объём работы по письму. На первых порах, пока рука ребёнка не окрепла и ему бывает трудно сидеть долгое время за партой в одном положении, письмо нужно чередовать с рисованием. Подробно с методикой обучения письму и чистописанию в букварный период на-

чальной школы можно ознакомиться по книге А. И. Воскресенской и М. Л. Закожурниковой «Практическое руководство к преподаванию русского языка в начальной школе» (Учпедгиз, 1950). В этой же книге учителя горских школ найдут большой и полезный материал по методике обучения грамоте и письму, чтению, грамматике и правописанию, а также по развитию устной и письменной речи учащихся.

VII

Изложив основные положения методики обучения грамоте по абазинскому букварю, мы считаем необходимым дать и типичную схему урока по обучению грамоте в абазинской школе, руководствоваться которой смогут и в школах других горских народностей Западного Кавказа.

В течение одного урока учитель должен знакомить учащихся не больше, чем с одной новой печатной буквой или одним буквенным обозначением (из двух или трёх букв — *nl*, *kl*, *дж*, *къв*, *гъв* и др.).

Ход урока по обучению грамоте обычно включает в себя следующие моменты:

1) Выделение из речи слов с определённым звуком. На стр. 15 букваря (изд. 1952 г.) имеется два рисунка — парад Советской Армии в Москве на Красной площади и советская конница (кавалерия). На стр. 22, в связи с ознакомлением учащихся со звуком и с буквой *p*, вновь даётся картинка, изображающая советскую конницу. Ведя беседу со школьниками по этим картинкам, учитель обращает внимание учащихся на слова, включающие в себя букву *p*. Такими словами, в частности, являются *ар* — войско, армия, восклицание *ура!*, некоторые собственные имена — *Умар*, *Мура* и другие слова. Для ознакомления учащихся с *p* и берутся такие слова, как *ар*, *ура*, *рама*, *амара*, *Умар*, *Мура*.

2) Разложение слов на слоги и звуки. Слово *ар* — войско является односложным и поэтому делить его на слоги не приходится. Слово *ар* можно сразу разлагать на звуки. Остальные слова со звуком *p* должны быть сперва разбиты на слоги: *у-ра*, *ра-ма*, *а-ма-ра*, *У-мар*, *Му-ра*; затем слоги разложить на отдельные звуки;

3) Ознакомление учащихся с новым

звук *о* м. Перед анализом слова *ар* учитель должен сам произнести слово, затем произнести звук *а*, и предложить детям закончить это слово. Дети легко произнесут звук *р*, как бы продолжая речь учителя. Этим простым способом из слова выделяется новый для учащихся звук.

Затем учитель предлагает всем учащимся хором произнести этот звук, а потом он обращается к школьникам и заставляет их поодиночке громко произносить звук *р*.

Затем учащиеся под руководством учителя находят этот звук в других словах: *абар, Мурад, дара, раса, ахш-рып, хырта, хар* и др. Каждый раз при этом учитель спрашивает ученика, придумавшего слово, где находится новый звук в названных ими словах (в начале, в середине, в конце слова).

Так ведётся классная работа по выделению и закреплению звука.

4) Ознакомление при помощи разрезной азбуки с печатной буквой, обозначающей новый звук. Учитель, стоя перед классом так, чтобы все его хорошо видели, показывает ученикам новую печатную букву и обращает внимание детей на то, из каких частей (элементов) она состоит (буква *р* — из прямой длинной палочки и примыкающего к ней сверху, справа кружочка). Ученики должны после этого найти новую букву в своей разрезной азбуке. Новую букву на данном этапе урока можно показать в заголовке газеты, на каком-либо плакате и т. д., если эта буква дана крупным шрифтом. Желательно, чтобы школьники вслед за учителем пальцем руки или тупым концом карандаша, ручки обвели контур буквы. В этом случае дети воспримут букву не только зрительно, но и моторно.

5) Составление при помощи разрезной азбуки слогов и слов с новой буквой и чтение этих слогов и слов. Этому приёму, конечно, предшествует разложение слов на слоги и слогов на звуки. Работа с разрезной азбукой, как мы отмечали раньше, должна широко применяться с первых уроков по обучению грамоте, причём на всех этапах обучения грамоте учитель должен наблюдать за тем, чтобы ученики новую согласную букву сочетали со всеми, уже известными им, гласными, а новую гласную букву соединили с различными знакомыми им согласными.

В классе и дома дети обязательно должны пользоваться своим набором букв из разрезной азбуки.

6) Чтение слов без предварительного разложения их на слоги и звуки. На этот вид занятий надо обратить особое внимание. Для чтения слов без их предварительного разложения обычно подбираются слова, различающиеся одно от другого лишь одной буквой: подбор слов по подобию (по аналогии) — *арат, анат, ауат; таба, тана, тара* и под.; наращение букв к исходному слову — *ан, бан, уан, лан, хлан, шван, ран; пны, упны, бпны, рпны* и под.

Чтение слов в этом случае дети могут проводить и после преобразования слов ими самими по требованию учителя: они могут сами заменять в слове одну букву другой (*мама — рама*), добавлять букву в начале слова (*абар — дабар*), в конце слова (*сы — сис*), в середине слова (*абар — амбар*) и т. п. Вновь получаемые таким путём слова при помощи разрезной азбуки детьми прочитываются вслух.

На уроках надо разнообразить применение различных приёмов звукового анализа и синтеза, активизировать работу школьников. В этом — несомненный залог успеха при обучении детей грамоте, при привитии им навыка в чтении целых слов и фраз.

7) Лишь после проведения всех указанных выше работ дети приступают к изучению других рукописных слов.

Перед тем, как писать букву на доске, надо вновь произнести слово, разложить его на слоги, слоги — на отдельные звуки. Только после выделения таким путём нового звука, обозначающая его буква пишется на доске. При этом учитель показывает сперва детям, как надо писать отдельные элементы буквы, а потом пишет букву целиком. При ознакомлении с рукописной буквой *р* показывается сперва, как надо писать палочку, а затем крючок; после этого медленно на доске учитель пишет целиком букву.

После ряда упражнений в письме новой буквы (две, три строчки) учитель пишет на доске какое-либо слово с новой буквой, предлагает ученикам разбить его на слоги и звуки, а затем писать слово целиком, процесс письма сопровождая чтением слова вслух.

Письмом надо заниматься на особых уроках и не проводить занятий по чтению одновременно с занятиями письмом на одном уроке. Торопливость при обучении грамоте и письму не нужна, она может только вредить делу.

IX

В заключение остановимся на вопросе об основных периодах и этапах школьного обучения грамоте.

В русской школе обучение грамоте обычно распадается на следующие периоды: 1) подготовительный период обучения грамоте, на который отводится около двух недель; 2) собственно букварный период обучения, охватывающий около 2,5—3 месяцев работы, и 3) послебукварный период длительностью от двух до трёх недель, когда проводятся занятия с целью усовершенствования детей в навыках чтения и письма.

В подготовительном периоде основное внимание обращается на развитие речи учащихся; но здесь проводятся занятия по разложению речи на слова, слов — на слоги, слогов — на звуки с последующим затем слиянием звуков в слоги и слова. В подготовительном периоде проводится и тренировка руки ребёнка в написании отдельных элементов букв — прямой палочки, палочки с закруглением сперва внизу, затем — внизу и вверху, в письме овала и полуовала. Простейшая зарисовка лесенок, домиков, фруктов, овощей и т. д., штриховка их — всё это упражняет, тренирует руку ребёнка, подготавливает школьника к урокам письма.

Букварный период в русской школе в большинстве случаев делят на три основных этапа (по 20—25 дней каждый). Первый этап по основному содержанию работы называется этапом двубуквенных слогов с твёрдыми согласными и трёхбуквенных слогов с гласной в середине; второй этап — это этап двубуквенных и трёхбуквенных слогов с гласной в середине и на конце (с мягкими согласными перед *и*); третий этап охватывает собою обучение йотированным гласным (*е, я, ю, ё*) и многобуквенным слогам различного состава.

Особенности обучения родной грамоте в горских школах касаются, в основном, букварного периода. Подготовительному периоду обучения грамоте, например, в абазинской школе следует, как и в русской школе, уделить

дней 12—15. Для занятий по развитию речи, для предварительных упражнений в выделении из речи отдельных слов, в разложении слов на слоги и звуки с последующим слиянием звуков в слоги и слогов в слова, для тренировочных упражнений в написании отдельных элементов букв и предназначены в букваре его первые страницы, начинающая с третьей и кончая шестнадцатой.

Надо, чтобы в этот период учащиеся практически поняли, что такое слово, слог, звук речи, т. е. научились выделять их. Но в целях выделения звука можно прибегать и к звукоподражанию, почему в букваре на стр. 17—18 и даны — рисунок девочки, кричащей *а...а...а...а!* и детей, играющих в поезд и криком *у...у...у...у!* подражающих гудку паровоза. В подготовительный период, помимо звуков *а, у*, можно из широко употребительных и простых по звуковому составу слов (*ма* — на, возьми, *ам-ам* — лай собаки, *му* — мычание коровы, *ар* — войско, армия, *ура* — восклицание, *арба* — петух и некоторые другие) выделить звуки *м, р, б*. Можно познакомить детей и с буквенным обозначением этих звуков, предварительно показывая им отдельные элементы букв и обучая написанию их.

Собственно букварный период обучения грамоте в абазинской школе должен занять значительно большее время, чем в русской школе, т. е. около 4—4½ месяцев. Объясняется это причинами, указанными выше: звуковой состав абазинского языка несравнимо сложнее звукового состава русского языка, что привело к созданию и алфавита, более сложного и трудного.

Букварный период обучения в абазинской школе мы считаем необходимым разбить на пять этапов. На первом этапе (в букваре стр. 17—45) школьники изучают наиболее употребительные сейчас в абазинском языке гласные — *а, у, ы* и ряд легко усваиваемых ими и передающихся ординарными буквами согласных — *м, р, б, л, д, н, т, з, х, п*. Учитывая своеобразие возможных звуковых сочетаний в абазинском языке, в букваре для определения и выделения звуков мы даём двубуквенные слоги закрытые (*ам, ар, ах, ан*) и открытые (*ма, ба, ла, а-ны, бы, ты* и др.). Вслед за ними на первом этапе обучения мы сочли возможным вводить и трёхбуквенные слоги с гласной в середине (*мур, мар, бар, бан, нат, тым* и под.). Здесь же довольно часто мы даём трёхсложные слова типа *алара, улаба, амара, адама, убама* и т. д.

На этом этапе, конечно, преобладают двухсложные слова с двубуквенными закрытыми и открытыми слогами. Методика работы здесь должна преобладать та, которую мы указали в схеме примерного урока. Длительность первого этапа равна 30—32 дням. В букваре (изд. 1952 г.) дано много материала для тренировочных упражнений. Чем лучше и твёрже школьники будут усваивать навыки чтения и письма на первом этапе, тем легче будет проходить обучение их грамоте на последующих этапах.

На втором этапе (в букваре стр. 46—78) учащиеся продолжают изучение гласных и согласных звуков абазинской речи, усваивают обозначение их на письме (и, тІ, пІ, ш, с, щ, к, й; о, ч, ц, г, в, дз, хІ, гІ). Здесь возникают новые трудности. Школьники знакомятся со звуком и буквой *и*, они должны научиться читать слоги с мягкими согласными перед *и* (Ди-на, Ли-ни, А-ми-нат, хри-на и др.), а кроме того, усвоить обозначение ряда звуков при помощи двубуквенных сочетаний (тІ, пІ, дз, хІ, гІ).

Для усвоения навыков правильного чтения слогов с мягкими согласными перед *и*, а также слов и слогов со звуками, передаваемыми сочетанием двух букв, требуется длительная тренировочная работа. Материала для этого в букваре дано достаточно.

Длительность второго этапа обучения грамоте равна примерно 32—35 дням. Приёмы обучения в основном те же, что и на первом этапе букварного периода, — правильное произношение слова после выделения его из речи, разложение его на слоги и звуки с последующим слиянием звуков в слоги и слогов в слова. Методика анализа и синтеза указана нами выше. Работа с разрезной азбукой должна быть постоянной и систематической.

Третий этап (в букваре стр. 79—109) охватывает изучение звуков, в подавляющем большинстве передаваемых двубуквенными сочетаниями, — *кІ, цІ, чІ, кв, гв, хв* (в двух фонетических значениях — *арав, хва; нартыхв, пахв*), *чв; ъ, кѡ, гѡ, ж, дж, тл, ль*. Конечно, усвоение этих звуков и их обозначений представляет известные трудности. В результате систематической, правильно методически построенной работы школьники должны усвоить фонетическое значение дополнительных знаков, присоединяемых к основной букве *І, в, ъ*, понять их назначение. Без твёрдого усвоения этой системы буквенных обозначений нельзя идти по букварю дальше и нельзя, есте-

ственно, считать, что обучение грамоте идёт нормально. Для закрепления навыков чтения букварь для этого этапа работы даёт достаточно обильный материал.

Длительность третьего этапа также равна 32—35 дням.

На четвёртом этапе (в букваре стр. 110—128) продолжается изучение звуков, передаваемых в абазинском алфавите двубуквенными сочетаниями (тш, шІ, жв, шв, жь, кь, гь, хь). Кроме того, на этом этапе учащиеся должны изучить и большинство трёхбуквенных обозначений звуков, принятых в абазинской письменности (джь; гІв, хІв, кІв, чІв, джв, гъв, къв, хъв). Необходимость строгой последовательности, методической продуманности и неторопливости при изучении этой части букваря совершенно очевидна. Приёмы ознакомления с новыми звуками и их письменным обозначением должны разнообразиться.

Длительность четвёртого этапа обучения ориентировочно равна 22—25 дням.

На пятом этапе (в букваре стр. 129—140) обучения грамоте в абазинской школе ученики знакомятся с мало распространёнными в их языке звуками *ф, фІ, лІ, с э* в начале слова и слога, с так называемыми йотированными гласными *е, я, ю*, с употреблением разделительных твёрдого и мягкого знаков — *ѡ, ѡ*, а также с тремя трёхбуквенными обозначениями абазинских звуков — *гѡѡ, кѡѡ, кІѡ*.

Как известно, буквы *е, я, ю* в начале слов и слогов передают по два звука (*е = йэ, я = йа, ю = йу*), а после мягких согласных — простые звуки *э, а, у*. В букваре (стр. 132—134) даётся материал с учётом различного значения и употребления букв *е, я, ю*. Буква *ё* в абазинский букварь не вводится.

Помимо трудностей, связанных с разнообразным звуковым материалом, изучаемым детьми на последнем этапе букварного обучения, работа их осложняется здесь чтением довольно сложного текста. Дело в том, что и без того трудные для усвоения трёхбуквенные обозначения звуков *гѡѡ, кѡѡ, кІѡ* в абазинском словаре встречаются в сравнительно немногих, но нередко длинных словах, например: *хѡарчвыгѡѡ, йыхѡскѡѡитІ, хвымбырцІакІѡ*.

Всё это вновь заставляет нас предупредить учителя о недопустимости излишней спешки при обучении грамоте. На пятом этапе букварного периода обучения следует широко применять все рекомендованные выше приёмы выделения звуков и слияния их в слоги и слова, работу

с разрезной азбукой, образование при помощи её новых слов путём отсечения от слова и, наоборот, добавления к нему отдельных букв. Длительность пятого этапа — 12—15 дней.

Послебукварный период работы весь должен быть посвящён усовершенствованию у детей навыков чтения и письма. Здесь должен быть использован не только тот материал, который помещён в конце букваря после азбучной таблицы (стр. 141—158), но и ранее проходившиеся учащимися тексты, оказавшиеся трудными для детей. Следовательно, в послебукварный период школьники читают не только новые тексты, но и повторяют материал, проходившийся ими раньше. Послебукварный период в абазинской школе может занять около 20 дней.

Конечно, в других школах Западного Кавказа количество этапов букварного периода обучения грамоте и длительность каждого из них может быть иная, чем намеченные нами для абазинской школы. Определяющую роль здесь должны играть фонетические особенности языков, особенности их графики, которые требуют и особого построения в этих школах занятий по начальному обучению грамоте.

Изложенные нами методические указания имеют целью дать учителю лишь самые основные сведения о том, как надо вести обучение родной грамоте в горских школах Западного Кавказа. Подробная методика обучения родной грамоте в этих школах пока ещё не написана. Поэтому учительство горских школ должно использовать в своей работе и различные методические руководства по обучению русской грамоте. Помимо литературы, указанной в этой брошюре, существенную помощь абазинскому учителю могут оказать следующие книги:

В. М. Чистяков, проф., Основы методики преподавания русского языка в нерусских школах, М., Учпедгиз, 1947, изд. 2.

С. П. Редозубов, Методика русского языка в начальной школе, М., Учпедгиз, 1950.

Н. П. Канонькин и Н. А. Щербакова, Методика русского языка в начальной школе, Л., Учпедгиз, 1947.

Цена 90 коп.